

М. А. Гурьев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С б о р н и к V

Памяти В. А. Жуковского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Ю. Е. БОРЩЕВСКИЙ

**«ТАРИХ-И МУХТАСАР-И САХИХ-И БИ-ДУРУГ»¹
АЛИ-ХАНА КАДЖАРА ЗАХИР ОД-ДОУЛЕ САФИ
АЛИ-ШАХА**

Среди бумаг В. А. Жуковского хранится сделанная им копия² части до сих пор не опубликованных мемуаров Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, названных автором «Тарих-и мухтасар-и сахих-и би-дурог». Копия эта содержит главы 33—40 указанного сочинения. Эти главы были завершены автором в джамади ас-сани 1314 г. х. (7.XI—6.XII. 1896 г.) и, как гласит сделанная В. А. Жуковским надпись на титульном листе копии, списаны им «с автографа, высланного автором из Тегерана в 1901 г.». Главы 34—40 «Истории» переведены В. А. Жуковским; подлинник перевода также хранится в Архиве востоковедов ИВ АН СССР³.

Автор «Истории»⁴ Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али-шах занимал при Насер эд-Дин-шахе и при Мозаффар эд-Дин-шахе должность ишик-акаси-баши. Во времена Каджаров в обязанности чинов ишик-хане (дворцового учреждения, во главе которого стоял ишик-акаси-баши) входила организация официальных дворцовых приемов и церемоний. В последние годы правления Насер эд-Дин-шаха ишик-хане было переименовано в вазарат-и ташрифат (министерство церемоний), а возглавляющее его лицо стало именоваться вазир-и ташрифат. Штат ишик-хане был довольно многочисленным. Так, по ежегоднику («Салнаме») за 1301 г. х. (1883/84 г.), содержащему сведения обо всех придворных, военных и правительственных учреждениях Ирана с указанием имен состоящих в них чиновников и приложенному к первому тому известного историко-географического сочинения Мохаммед Хасан-хана Этемад ос-

¹ «Краткая верная и правдивая история» (далее — «История»).

² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 2/21.

³ Там же, № 4/46.

⁴ Заметок В. А. Жуковского об авторе «Истории» в архиве нет.

Салтане «Матла аш-шамс»⁵, в штате ишик-хане в это время состояло 99 человек.

Несмотря на некоторый упадок значения должности ишик-акаси-баши в эпоху последних Каджаров⁶, лицо, занимавшее ее, все же пользовалось большим влиянием и было хорошо осведомлено обо всех дворцовых и правительственных мероприятиях и интригах. Ишик-хане считалось одним из управлений министерства двора и находилось в прямом подчинении у садр-азама (премьер-министра), который фактически возглавлял это министерство в последние годы правления Насер эд-Дин-шаха.

Должность министра церемоний перешла к нашему автору по наследству от его отца, одного из приближенных Насер эд-Дин-шаха — Мохаммед Насер-хана Дулу, также носившего титул Захир од-Доуле. По данным упомянутого ежегодника, в 1301 г. х. (1883/84 г.) он все еще занимал эту должность⁷.

Первое официальное упоминание нашего автора в должности ишик-акаси-баши содержится в ежегоднике за 1303 г. х. (1885/86 г.), приложенному к третьему тому указанного сочинения. В это время штат ишик-хане состоял уже из 140 человек⁸. Высокое положение, занимаемое нашим автором при дворе, укрепилось еще и тем, что отец сумел женить его на Малике-йи Иран, одной из дочерей Насер эд-Дин-шаха⁹. Алихан Каджар Захир од-Доуле состоял, таким образом, в родстве с самим шахом и, как видно из текста оставленных им мемуаров, был в тесных отношениях со многими высокопоставленными лицами и хорошо разбирался в сложной, насыщенной интригами жизни высших сфер иранского общества.

Путешествовавший в 1889 г. по Ирану Джордж Н. Керзон встретился с нашим автором во время торжественного приема при дворе, куда он был приглашен. Во дворце Керзон «был встречен лордом-камергером, или главным церемониймейстером, имевшим титул Захир од-Доуле («Поддержка государства»),

⁵ محمد حسن خان اعتماد السلطنه، مطلع الشمس، جلد اول، تهران،
 ۱۳۰۱، (سالنامه)، ص ۵۰.

⁶ При первых Каджарах ишик-акаси-баши докладывал шаху обо всех прошениях, ходаках из провинций, лично сопровождал к шаху лиц, которым была дарована аудиенция, и т. п.; в описываемую эпоху его роль сводилась в основном к организации торжественных приемов.

⁷ «Салнаме», т. I, стр. 50.

⁸ «Салнаме», т. III, 1303 г. х., приложение, стр. 33.

⁹ عبدالله مستوفی، شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی و اداری دوره قاجاریه، جلد اول، تهران، ۱۳۲۴، ص ۵۴۸.

молодым человеком с величественной осанкой и на редкость красивым лицом, который принадлежит к роду Каджаров и женат на любимой дочери шаха. Под парадным кашмирским халатом, в который... он был облачен, видны были сверкающие белизной кафтан и штаны; на боку его была усыпанная драгоценными камнями сабля, с шеи свисал украшенный драгоценными камнями портрет шаха, а в руках он держал серебряный жезл, символ занимаемой им должности»¹⁰.

В 1320 г. х. (1902/03 г.), оставаясь министром церемоний, он был также вали (генерал-губернатором) Мазендерана¹¹, но уже в 1321 г. х. (1903/04 г.) был смнен¹². В мухарраме 1324 г. х. (1906 г.) пост ишик-акаси-баши занимал другой чиновник¹³. Возможно, что впоследствии Али-хан Каджар вновь вступил на этот пост. Прямых данных об этом у нас нет, но Абдаллах Мустоуфи в своих мемуарах упоминает о нем как о «последнем министре церемоний».

Занимавший влиятельные должности «в миру», Али-хан Каджар Захир од-Доуле был одновременно одним из видных деятелей иранского дервишизма. В архиве ИВ АН СССР хранится отпечатанная на машинке недатированная заметка В. А. Жуковского, о которой можно с полной уверенностью сказать, что она написана во время его пребывания в Тегеране в июне—августе 1899 г.: «Дервиш Гулям-Хусейн, родом из Ши-раза, также казал мне следующее. Он принадлежит к тарикату Ниметуллаха Керманского; последователей в Тегеране много: главою их, или пиром, был до последнего времени Сафи Али-шах, скончавшийся несколько месяцев тому назад и погребенный за садом Зилли-Султана, передавший главенство Захир ад-Доулэ, который служил ему 30 лет, обойдя сыновей, которым сказал, что достоинство пира не есть нечто наследственное и приобретает исключительно хорошим служением... Захир ад-Доулэ, как пир дервишей, носит имя Сафи Али-шах»¹⁴.

¹⁰ G. N. Curzon, *Persia and the persian question*, vol. I, London, 1892, p. 324. — Доктор Жан Батист Феврие, проживший три года при дворе Насер эд-Дин-шаха, упоминает Захир од-Доуле при описании торжественной церемонии во дворце шаха по случаю ноуруза (20 марта 1890 г.). См.: Fevrier, *Trois ans à la cour de Perse*, Paris, [1900], p. 208.

¹¹ ناله دانشوران ناصری، جلد ۴، تهران، ۱۳۲۰، سالنامه، ص ۳۷.

¹² «Салнаме», т. V, 1321 г. х., приложение, стр. 37.

¹³ «Салнаме», т. VII, 1324 г. х., приложение, стр. 29.

¹⁴ Архив ИВ АН СССР, ф. 1, оп. 1, № VIII—88. — В этой, как и во всех последующих цитатах, сохраняется орфография подлинника. Речь идет о Хадж Мирза Хасане Исфгани Сафи Али-шахе (см.: محمد حسن جان

а также: اعتماد السلطنة، كتاب المائير و الآثار، تهران، ۱۳۵۶، ص ۲۱۷.
К. Смирнов, *Персы. Очерки религий Персии*, Тифлис, 1916, стр. 248—249).

Таким образом, можно предположить, что к 1899 г., когда Хадж Мирза Хасан умер и его место занял Али-хан Каджар, последнему было по крайней мере около сорока лет, если только данные о его 30-летнем «служении» верны.

Как сообщает К. Смирнов, «Захир уд-Довле сделался муршидом неметуллахов всей Персии, и разумеется, что это посвящение имеет чисто политическое значение. Сефи Али-шах (т. е. упомянутый выше пир. — Ю. Б.) понимал, что дела ордена пойдут лучше и цели скорей могут быть достигнуты, если во главе дервишей будет столь знатный и сильный человек...»¹⁵.

Согласно сведениям советского ираниста К. И. Чайкина, «Захир од-Доуле умер... в Тегеране между 1922 и 1925 гг.»¹⁶.

Знакомство В. А. Жуковского с Али-ханом Захир од-Доуле произошло летом 1889 г. в Тегеране, во время второй поездки В. А. Жуковского, когда он уделял особое внимание сбору материалов о дервишских орденах. Так, в письме¹⁷ к акад. В. Р. Розену, отправленном им из Зергендэ¹⁸ 25 июля 1899 г., он писал: «Беседами с дервишами, которые будут продолжаться и в городе, я очень доволен. Мне перепадает довольно много характерного материала, который свидетельствует о полном вырождении дервишизма и превращении его в ордена вроде франкмасонских с разного рода тайными собраниями и довольно диким ритуалом, которого никогда и не знали дервиши доброго старого времени. Не скажу, чтобы некоторые из моих наставников не были симпатичны, но у большинства подкладка материальная, хотя они всячески стараются скрыть это... Надеюсь, что буду даже располагать тайными письменными документами, а не одними словесными откровениями. Я составил маленькую коллекцию фотографий дервишей...»¹⁹.

¹⁵ К. Смирнов, *Персы...*, стр. 249. — В этой книге довольно подробно описана деятельность тегеранских ниматуллахов.

¹⁶ Письмо К. И. Чайкина к Ю. Н. Марру от 1928 г. (без указания дня и месяца). — Переписка двух видных советских иранистов в настоящее время находится во владении вдовы Ю. Н. Марра, С. М. Марр. В статье Вахида Дастгерди, посвященной известному иранскому поэту Ирадж Афшару, говорится, что незадолго до смерти Ирадж Афшар сказал Вахиду Дастгерди: «А знаете, если я умру, отвезите меня в Шимран и похороните рядом с могилой Захир од-Доуле» (он умер в марте 1926 г.). См. перевод статьи из журнала «Армаган», год изд. IX, № 4, стр. 234—239, выполненный Ю. Н. Марром (Архив ИВ АН СССР, ф. 95, № 24, л. 4а). Пользуюсь случаем выразить признательность Э. Н. Ворожейкиной, указавшей мне это.

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 9.

¹⁸ Дачная местность под Тегераном, где находилась летняя резиденция русской миссии в Иране.

¹⁹ Эта коллекция, как и упомянутые Жуковским документы, не сохранилась в его архиве.

Вполне возможно, что одним из таких «наставников» В. А. Жуковского был Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али-шах. Во всяком случае в письме к В. Р. Розену из Зергендэ от 14 августа 1899 г. В. А. Жуковский писал: «Осмотрел и перерыл библиотеку церемониймейстера шаха, считающегося в то же время главою дервишей ордена Ниметллахи»²⁰.

Речь, вне всякого сомнения, идет об Али-хане Каджаре Захир од-Доуле, и нам трудно предположить, чтобы В. А. Жуковский попал в его библиотеку, не будучи знаком с ее хозяином²¹.

После отъезда из Ирана В. А. Жуковский поддерживал связь с Али-ханом Каджаром Захир од-Доуле (или во всяком случае получал о нем сведения) через посредство своего бывшего ученика по Учебному отделению восточных языков МИД, а в то время чиновника Российской миссии в Тегеране Г. Д. Батюшкова, с которым В. А. Жуковский состоял в регулярной переписке. В сохранившихся в архиве письмах Г. Д. Батюшкова имя Захира, т. е. Али-хана Каджара Захир од-Доуле, упоминается несколько раз.

Интересные данные об одной из сторон деятельности дервишского ордена, возглавлявшегося Али-ханом Каджаром Захир од-Доуле, содержатся в недатированном, но, очевидно, написанном в 1900 или 1901 г. письме Г. Д. Батюшкова: «...Анджуман-и Ухувват (Братский союз. — Ю. Б.)... по четвергам вечером собирается в одном из флигелей дома Захира, специально для сего построенном... Вы, кажется, видели его... [Там собирается] до 80 знатных и иных дервишей, которым докладывается, что тот или иной дервиш не имеет средств к существованию, گدائی же (нищенство. — Ю. Б.) не приличествует истинным дервишам, а между тем он (т. е. указанный дервиш. — Ю. Б.) мог бы заниматься тем-то. Тогда собрание постановляет выдать ему такую-то, в несколько туманов, собираемых тут же, сумму, за поручительством предложившего его, для того чтобы он мог стать на ноги»²².

²⁰ Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, письмо 5.

²¹ См. сообщение В. А. Жуковского о труднодоступности частных библиотек в Иране в его отчете, помещенном в приложении № 1 к статье «К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского».

²² Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 167. — К. Смирнов, сообщая о регулярных собраниях в доме Захир од-Доуле, пишет: «На расходы по собранию все платят по счету. Кроме того, муридам часто подносятся подписки на издание книг, на пособие школам и тому подобные просветительские цели. Куда деваются собираемые деньги, — точно неизвестно, и многие, вступив в этот кружок дервишей, тяготясь частыми подписками и поборами, оставили посещение общих собраний» (К. Смирнов, *Персы...*

Очевидно, именно Г. Д. Батюшков сообщил В. А. Жуковскому о существовании «Тарих-и мухтасар...», он же и переслал ему это сочинение в Петербург, как видно из его недатированного²³ письма из Тегерана, написанного, безусловно, в 1901 г.:

«Прилагаю при сем книжицу تاريخ Захира. Вы не откажете по миновании надобности возвратить, причем Захир сообщил, что переведена книжка эта на англ[ийский], нем[ецкий] и франц[узский] яз[ыки], но не напечатана вследствие специальной его о том просьбы, каковую ходатайствовал убедительнейше передать и Вам — причину Вы легко увидите из содержания этой записной книги, в общем представляющей некоторый интерес и любопытной, как свидетельство ярого علی اصغر، офила²⁴.

Ныне сей муж в Мазендеране и вернется к ноурузу для устройства всяких تشریفات، ов (церемоний. — Ю. Б.). Очень нравится мне начало книжки в стиле Хайяма».

Таким образом, В. А. Жуковский получил это сочинение в 1901 г. Как уже говорилось, хранящаяся в архиве копия текста, сделанная В. А. Жуковским, содержит только 33—40 главы «Краткой верной и правдивой истории». Подлинник сочинения был, очевидно, отослан В. А. Жуковским в Тегеран в соответствии с просьбой автора. Копии глав, предшествующих указанным выше, также нет в архиве. В связи с этим, прежде чем перейти к описанию и характеристике сочинения, следует решить вопрос, располагал ли В. А. Жуковский полным текстом труда Али-хана Каджара Захир од-Доуле или в его руках был только сохранившийся в архиве отрывок.

Предположение, что В. А. Жуковский вернул все сочинение автору, скопировав только заинтересовавшую его часть, касающуюся истории убийства Насер эд-Дина, представляется маловероятным по следующим соображениям. Во-первых, в цитированном выше письме Г. Д. Батюшков называет посланное им сочинение Али-хана Каджара Захир од-Доуле «книжицей», что указывает на незначительный объем его. Действительно, переписанное В. А. Жуковским на листах большого

стр. 249). Отмечая, что деятельности «энджумена Захир уд-Довле» (т. е. собрания дервишей ниматуллахи) в Тегеране приписывают большое политическое значение, К. Смирнов пишет, что в революционных событиях (1905—1911 гг.) «большинство муридов участия не принимало, ибо Захир-уд-Довле отнесся очень неодобрительно даже к тому, что некоторые муриды вступили в ряды муджетехидов» (там же, стр. 251).

²³ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, № 167.

²⁴ Т. е. приверженца Али Асгара. Имеется в виду Али Асгархан Амин ос-Султан (см. о нем прим. 11 к тексту перевода).

формата сочинение занимает 20 страниц; в персидском подлиннике, который был, без сомнения, написан на листах гораздо меньшего формата, главы 33—40 занимали, очевидно, страниц 40—50, т. е. представляли собой сравнительно небольшую тетрадку, которую можно назвать «записной книжкой». Если предположить, что все главы были приблизительно равны по объему, то полный текст «Тарих-и мухтасар...» должен был бы занимать около 250 страниц и, таким образом, представлять собой довольно солидную рукопись, а отнюдь не «книжицу».

Во-вторых, Г. Д. Батюшков пишет, что ему «очень нравится... начало книжки в стиле Хайяма». Глава 33 (первая в копии В. А. Жуковского) начинается с описания радения и попойки, устроенной автором и его друзьями в саду Каср-и Каджар 10 зу-ль-кааде 1313 г. х. (23 апреля 1896 г.). Автор описывает сад, в котором происходило это событие, и состояние счастливого опьянения, в которое пришли его участники. Очевидно, именно это «начало книжки» Г. Д. Батюшков называет написанным «в стиле Хайяма».

К тому же, зная живой и постоянный интерес В. А. Жуковского к истории современного ему Ирана, трудно поверить, чтобы он вернул столь ценный и важный памятник персидской мемуарной литературы, каким, безусловно, являлся весь текст труда Али-хана Каджара Захир од-Доуле, не озаботившись снять с него полной копии.

Вернее предположить, что В. А. Жуковский никогда не располагал полным текстом труда и, следовательно, не мог снять с него полной копии.

Полученные В. А. Жуковским в 1901 г. главы «Тарих-и мухтасар...» показались ему настолько интересными, что уже 22 марта 1901 г. на основании их он сделал сообщение на заседании Восточного отделения Русского археологического общества, назвав его «Последние дни шаха Насир ад-дина»²⁵.

Впоследствии В. А. Жуковский намеревался опубликовать персидский текст этого сочинения, возможно, снабдив его переводом. Он просил Али-хана Каджара Захир од-Доуле разрешить публикацию его сочинения. Посредником в этих переговорах выступал бывший ученик В. А. Жуковского по Учебному отделению восточных языков МИД, драгоман Российской миссии в Тегеране А. Р. Барановский, как и Г. Д. Батюшков, регулярно переписывавшийся со своим бывшим учителем.

Среди писем А. Р. Барановского из Тегерана к В. А. Жуковскому, последнее из которых датировано 18 августа 1909 г.,

²⁵ ЗВОРАО, т. XIV, вып. 1, 1902, стр. VII.

сохранилось одно письмо без даты²⁶, в котором он писал: «Спешу сегодня прислать Вам письменное разрешение Захир уд-Доулэ напечатать его историю об убийстве Насир уд-Дин-шаха».

Если в 1901 г. Али-хан Каджар просил Г. Д. Батюшкова не издавать его сочинение, то в 1909 г., во время иранской революции, у него не было оснований воздерживаться от публикации. Автограф²⁷ письма Али-хана Каджара к А. Барановскому с разрешением печатать его труд сохранился в архиве: «Да буду я твоей жертвой».

Благородное послание относительно напечатания и публикации рукописи, именуемой «Краткая верная и правдивая история», господином Жуковским, преподавателем восточных языков в Петербурге, оказало [нам] честь своим поступлением. С [изложенными в нем] обстоятельствами ознакомились. Поскольку вышеупомянутый господин выразил желание опубликовать названную рукопись, преданный [автор письма] согласен пойти навстречу его намерению и выражает просьбу, чтобы высокопоставленный господин изволил сообщить письмом, когда он напечатает и опубликует упомянутую рукопись.

Более [не смею] затруднять [Ваш] благородный рассудок.

Захир од-Доуле».

«Краткая верная и правдивая история» принадлежит к сравнительно немногочисленным образцам персидской мемуарной литературы конца XIX в. Возможно, что заглавие, данное автором, относится только к 33—40 главам его труда, а сами мемуары назывались иначе или вообще не имели названия, так как, возможно, они представляли собой просто дневник.

Сохранившийся отрывок представляет собой вполне законченное произведение как по построению, так и по содержанию. Он начинается не переведенной В. А. Жуковским 33-й главой, в которой описываются, как уже отмечалось, радение и попойка, устроенные автором вместе со своими друзьями в саду заго-

²⁶ Архив ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 168. — Судя по тому, что в письме А. Р. Барановского говорится о поимке Рахим-хана (см. о нем: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 гг.*, М., 1957, стр. 345—347), известного реакционера и главаря банд, поддерживавших Мохамед Али-шаха, о том, что русские войска находятся в Табризе, и о недавнем закрытии газеты «Шарк» в Тегеране, которое произошло после выхода в свет ее 64 номера 8 зуль-кааде 1327 г. х. (21 ноября 1909 г.), оно написано в конце ноября 1909 г. или несколько позднее.

²⁷ Там же.

فراست نام
مؤلفه ترجمه روح الطبع

موسم "تاریخ مختصر صحیح بلاد" بقول جناب
روح الطبع

پندرہ روزہ در بطور شرف و حسن از جانب "مستند" اور
نسخہ دار

بفقدان جناب نواز اللہ خان صاحب الطبع
موجودہ

امام بیگ است و تصدیق آن در اسناد
موجودہ

جناب آقا خان صاحب
موجودہ

بہ فرست نامہ ترجمہ
موجودہ

ИВ АН СССР
Восток Востоковед
Российской
Академии
№ 105

Письмо Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха, разрешающее издавать его труд

родной шахской резиденции Каср-и Каджар. В это время является гонец от садр-азама и вручает автору письмо, в котором содержатся инструкции по подготовке торжественного юбилея пятидесятилетия со дня восшествия Насер эд-Дин-шаха на престол. Автор приводит это письмо полностью; оно является интересным образцом канцелярского стиля эпохи и содержит подробное описание торжеств. Глава эта является как бы прологом, она вводит читателя в обстановку готовящейся к празднествам столицы Ирана.

Трагическая биография убийцы шаха Мирза Резы, изложенная простым, но красочным языком со слов некоего Хаджи Сайяха, является характеристикой главного героя произведения и подготавливает читателя к неизбежности и даже в какой-то мере оправданности описываемых дальше событий.

В следующей, 35-й главе описывается убийство Насер эд-Дина. Она представляет собой по сути дела подробный дневник, в который автор занес свои действия и переживания, испытанные им в этот день.

Глава 36 содержит характеристику второго основного действующего лица описываемой истории — садр-азама Али Асгар-хана Амин ос-Султана, решительным сторонником которого был наш автор, как верно отметил еще Г. Д. Батюшков²⁸.

Далее описываются похороны Насер эд-Дина, воцарение Мозаффар эд-Дина, и все сочинение завершается как бы эпилогом: отставкой садр-азама и приходом к власти новых людей, т. е. с точки зрения автора символизирует конец какого-то определенного периода истории.

Если бы это сочинение начиналось традиционной басмалой и двумя-тремя фразами обычных словословий, то не было бы никаких оснований полагать, что оно представляет собой всего лишь отрывок крупного произведения. Однако, несмотря на такой стройный и законченный характер, сочинение это в первую очередь является мемуарами, и, как во всех мемуарах, отношение автора к описываемым событиям и его личное участие в них проявляются здесь гораздо отчетливее, чем в специальном историческом труде. Именно в этом и состоит основное значение «Краткой верной и правдивой истории».

Али-хан Каджар Захир од-Доуле принадлежал к высшим слоям иранского общества, примыкал к числу сторонников и приверженцев садр-азама Амин ос-Султана и, по всей вероятности, принимал активное участие в никогда не прекращав-

²⁸ Эта глава переведена В. А. Жуковским, но опущена здесь, так как не представляет интереса, являясь сплошной апологией деятельности садр-азама.

шихся при каджарском дворе интригах и борьбе партий; все это, естественно, отразилось на его отношении к описываемым событиям и на оценке действующих в них исторических лиц. Кроме того, принадлежность автора к верхушке дервишской иерархии наложила своеобразный отпечаток на его сочинение.

Таким образом, «Краткая верная и правдивая история» — весьма любопытный человеческий документ, позволяющий лучше разобраться в сложной обстановке, царившей при каджарском дворе в конце XIX в.

Следует, впрочем, отметить, что некоторые данные автора нуждаются в проверке. Например, приведем здесь сведения Али-хана Каджара Захир од-Доуле об отмене налога на хлеб и мясо в апреле 1896 г. Цитируемся ниже место находится в 36-й главе, опущенной в настоящем издании.

«Одно из больших исторических дел этого великого знающего министра... заключается в том, что в последний год царствования Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, налог на мясо и хлеб в Тегеране, что составляло более 70 000 туманов и сделалось причиной большой тягости для подданных и бедных и неимущих — по этой причине некоторые из бедняков по месяцам мяса не ели, — он настойчиво выпросил у шаха, мученика за веру, отменить. Насер эд-Дин-шах, мученик за веру, согласился на просьбу садр-азама и отменил навсегда налог на хлеб и мясо во всех городах Персии, что в год составляло всего более трехсот тысяч туманов, и приказы разослали в разные стороны персидских владений, а в самом городе Тегеране содержание того приказа высекали на больших мраморных камнях и водрузили на общих проходах и в соборных мечетях.

Этот налог на хлеб и мясо наложил на бедных Наиб ос-Салтане, военный министр, который в то же время был губернатором Тегерана, и мало-помалу он увеличился, и шах и правительство были обесславлены. И в действительности, мыслю и распоряжением этого бесподобного министра, платье забот о подданных государя очистилось от грязи и нечистоты несправедливости и притеснения (если только настоящие и будущие правители города Тегерана мало-помалу, под другими названиями и различными именами, не возьмут с бедных и слабых эту сумму в два раза больше — и, конечно, возьмут)»²⁹.

Речь идет о налоге на хлеб и мясо, который был отменен Насер эд-Дин-шахом 1/13 апреля 1896 г.

Заведующий обучением персидской кавалерии и командир персидской казачьей бригады полковник В. А. Косоговский

²⁹ Перевод В. А. Жуковского.

так передает историю отмены этого налога, рассказанную ему лично самим садр-азамом Али Асгар-ханом Амин ос-Султаном:

«Даже на отмену малиата (налога) на хлеб и мясо, не смотря на явный ропот народа (подчеркнуто, как и ниже, самим В. А. Косоговским. — Ю. Б.), покойный шах до тех пор не соглашался, пока я не изыскал ему взамен новый и притом двойной источник дохода: вместо 25 000 туманов в год, уступаемых шахом народу, накинул 50 000 туманов на начальников таможен...»³⁰. Эти сведения несколько меняют картину, не говоря уже о том, что размеры налога очень сильно расходятся в обоих источниках.

«Краткая верная и правдивая история» написана простым, подчас даже разговорным языком. Автор редко прибегает к «высокому стилю», применяя его лишь для занимающих очень небольшое место в сочинении славословий в адрес шаха и садр-азамы. Следует иметь в виду, что В. А. Жуковский не успел окончательно отделать перевод, чем и объясняются встречающиеся в нем шероховатости. При подготовке перевода к изданию он был заново сверен с текстом подлинника, причем некоторые незначительные пропуски в переводе В. А. Жуковского были восполнены³¹.

За исключением 36-й главы, которая опущена по высказанным выше соображениям, и крайне незначительных пропусков (в основном славословия и т. п.), перевод В. А. Жуковского публикуется полностью, изменено лишь написание имен собственных и реалий: в издании принята система практической транскрипции, использованная в справочнике «Современный Иран» (М., 1957). Для примечаний к тексту использованы хранящиеся в Архиве ИВ АН СССР дневники В. А. Косоговского, активного участника описываемых событий.

Трудно сказать, сохранились ли мемуары Али-хана Каджара Захир од-Доуле в полном виде. В доступных источниках никаких сведений об этом нет. Не удалось также обнаружить никаких данных о переводах этого сочинения на западноевропейские языки, упомянутых со слов Али-хана Каджара Захир од-Доуле в цитированном выше письме Г. Д. Батюшкова. Возможно, эти мемуары сохранились в Иране. По-видимому, автор не остановился на описании событий 1896 г., поэтому можно рассчитывать, что публикация небольшого отрывка из мемуаров в переводе В. А. Жуковского явится толчком к разысканию и публикации всего сочинения Али-хана Каджара Захир од-Доуле Сафи Али-шаха.

³⁰ Архив ИВ АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 2, л. 629.

³¹ Восполненные места взяты в квадратные скобки.

АЛИ-ХАН КАДЖАР ЗАХИР ОД-ДОУЛЕ САФИ АЛИ-ШАХ

ИСТОРИЯ УБИЙСТВА НАСЕР ЭД-ДИН-ШАХА

Перевод с персидского В. А. Жуковского

Глава 34

МИРЗА РЕЗА КЕРМАНСКИЙ¹

После того как Мирза Реза Керманский в глазах народа приобрел величие проявленной отвагой и смелостью, об обстоятельствах его жизни заговорили разно, но слово истинное, без преуменьшения и преувеличения, на основании расследования, которое я произвел сам у Хаджи Сайяха², человека почтенного, правдивого и долгое время бывшего с Мирза Реза Керманским в Казвине в государственной тюрьме, таково, как я пишу здесь, в полном соответствии с его записями.

Во время правления Мохаммеда Исмаил-хана Векиль оль-Молька³, который в течение долгих лет правил в Кермане и сделался могущественным, он до такой степени чинил несправедливости, что многие из людей, отказавшись от своих земель и недвижимости, выселились [из Кермана]. В числе их был и отец Мирза Резы⁴. Взяв из Кермана кое-какое добро, он отвез его в Йезд, купил там землю и занялся хлебопашеством. Некоторое время он жил с сыном своим Мирзой в Йезде, и Мирза Резу для обучения отправил в школу, сам же по необходимости по одному делу прибыл оттуда в Тегеран и поместился в училище Медресе-йи Молла Абдаллах. Сколько он ни взывал к справедливости, никакого заступника он не нашел, так и отдал душу создателю души. Мирза Реза, не достигнув совершеннолетнего возраста, занялся мелкой торговлей и продажей с рук мало-помалу приобрел некоторое значение, дело его пошло в гору, и он стал известен у Наиб ос-Салтане⁵ и Ака Бала-хана Сардар-и Афхама⁶. Он взял у Хаджи Молла Хасана Назим ат-Туджджар тармаламовую шаль и продал Наиб ос-Салтане; последний денег ему не отдавал (а в то время управление и главенство над купцами принадлежало самому Наиб ос-Салтане).

Однажды Мирза Реза отправился в канцелярию Наиб ос-Салтане и сказал ему: «Господин, эта шубка, что у вас на плечах. — мех для нее и шалевую покрывку я принес в кредит, — хозяин этого каждый день требует деньги, обесславил меня, а вы накинули шубку на плечи и хотите оказывать справедливость другим, — сначала рассчитайтесь со мною». Наиб ос-Салтане сказал Ака Бала-хану: «Отведи этого человечка и выдай ему

деньги». Мирза Резу увели и выдали ему тысячу двести туманов, цену соболя и шали. А Ака Бала-хан Сардар-и Афхам приказал, чтобы в то время, как эти деньги отсчитывали, Мирза Резе давали подзатыльники. Такой поступок и грубые слова сделались причиною вражды и неприязни Наиб ос-Салтане к Мирза Резе.

Хаджи Мохаммед Хасан Амин-и Дар аз-Зарб⁷, увидев в Мирза Резе такую расторопность и смелость, взял его к себе для некоторых торговых дел и удержал, сделав слугою. Ака Бала-хан по временам, чем только мог, доставлял Мирза Резе какие-нибудь неприятности, а Наиб ос-Салтане тоже очень желал изыскать средства помучить Мирза Резу. И вот в дом Хаджи Мохаммед Хасана Амин-и Дар аз-Зарб прибыл в гости сейид Джемаль эд-Дин⁸, и Хаджи Мохаммед Хасан сделался его убежденным последователем. Он попросил у Хаджи Мохаммед Хасана надежного человека, который стал бы его собственным слугою. Хаджи Мохаммед Хасан определил ему в слуги Мирза Резу и платил ему жалованье, пока не обнаружились замыслы сейид Джемаль эд-Дина и его пребывание в Тегеране стало противным мнению государственных мужей. Вышел приказ, чтобы сейида, который уже некоторое время находился в святыне Абдоль-Азим⁹, взять оттуда и выпустить на турецкую землю.

В тот день, когда уводили сейида, Мирза Реза стал через меру кричать и шуметь. Мухтар-хан, правитель святыни Абдоль-Азим, сделал сильный нагоняй Мирза Резе: «Тебе что, что кричишь и орешь против правительственного приказа?» Известие об этом дошло до Наиб ос-Салтане. Он очень обрадовался и сказал Ака Бала-хану: «Хочу я возвести тебя в чин эмир-тумама¹⁰, и нет для этого лучшего средства, чем Мирза Реза: и ты станешь эмир-туманом, и отец Мирза Резы будет сожжен». Ака Бала-хан по поручению Наиб ос-Салтане встретился с неким дервишем по имени Мирза Ака и сказал ему: «Пошли ко мне Мирза Резу, у меня есть к нему одно дело!» Так как управление Тегераном принадлежало Наиб ос-Салтане, то он при посредстве Ака Бала-хана заставил написать несколько писем рукою дервиша Мирза Ака с жалобами на жестокости и притеснения, чинимые народу, написать также разные вещи по вопросу табачной монополии и тайком доложил Его Величеству шаху, что народ хочет, чтобы была введена республика, и напугал Его Величество шаха; затем через сына дервиша Мирза Ака он отправил письма в окрестности, с тем чтобы они [т. е. письма] из окрестностей прибыли в Тегеран и тем создали впечатление, будто Иран желает стать республикой.

Его Величество шах открыл это Его Высокопревосходительству Амин ос-Султану садр-азаму¹¹; тот ответил: «На это не стоит обращать внимания. Хорошо бы Вам таких речей совсем не слушать». Так как [в письмах] про Наиб ос-Салтане было писано дурно, а садр-азам был с Наиб ос-Салтане в дурных отношениях, то он усмотрел в этом свое собственное благо, — не будь этого

«Начало источника следует преграждать железной лопатой: Когда он наполнится, его нельзя перейти и слону»¹².

Такие речи произвели на Его Величество шаха впечатление и увеличили его страх. Через несколько дней Мирза Реза отправился в дом дервиша Мирза Ака. Мирза Ака спросил у него: «Ходил в дом Ака Бала-хана?» Он сказал: «Нет, они со мною нехороши, я боюсь». Мирза Ака сказал: «Иди, не бойся, какое имеют они к тебе дурное намерение? Конечно, они имеют какое-то дело». Мирза Реза прямо оттуда отправился в дом Ака Бала-хана. Ака Бала-хан уединился с ним и завел речь о разных вещах, из его слов понял, что он очень желает возвращения сейида Джемаль эд-Дина, и сказал: «Если ты послушаешь моих слов, я тебя сведу к господину Наиб ос-Салтане и уговорю его на возвращение сейида Джемаль эд-Дина». В этом он сильно клялся, успокоил Мирза Резу и сказал: «Теперь ступай, а завтра за три часа до заката солнца приходи, — мы отправимся вместе к господину Наиб ос-Салтане». Затем Ака Бала-хан объяснил Наиб ос-Салтане обстоятельства и приготовил его к делу.

В назначенное время Мирза Реза отправился к Ака Бала-хану, и вместе они пошли к Наиб ос-Салтане. Так как никого не было, то, когда глаза Наиб ос-Салтане упали на Мирза Резу, он горячо ответил на его привет, сверх обыкновения, обласкал его и сказал Ака Бала-хану: «Воистину, люблю я Мирза Резу, даже считаю его своим дорогим другом». Мирза Реза от такого проявления любви свыше меры растерялся, произнес лестные [для Наиб ос-Салтане] слова и заявил: «Если Вы стремитесь к царской власти, то средство этого дела — сейид Джемаль эд-Дин, который может повернуть к Вам лица людей». Наиб ос-Салтане сказал: «А есть ли человек, который не зарился бы на царскую власть, в особенности [такой, как] я, сын государя, Наиб ос-Салтане, военный министр и губернатор Тегерана?» После разговоров Наиб ос-Салтане поклялся Мирза Резе на Коране, который держал под рукой: «Я окажу тебе всякого рода содействие и скоро изыщу средства к прибытию сейид Джемаль эд-Дина, но с условием, что ты напишешь письмо с жалобой на правительство: я покажу его шаху и скажу, что народ огор-

чен удалением сейид Джемаль эд-Дина и хорошо бы ему вернуться». И опять он поклялся на Коране и, успокоив Мирза Резу, отправил его написать письмо.

Так как сейид Джемаль эд-Дин был знаком со мною [т. е. с Хаджи Сайяхом.—Ю. Б.] и иногда отзывался обо мне Мирза Резе, что при совете я неправды не скажу, Мирза и пришел ко мне и изложил дело. Во время разговора прибыл Мирза Насролла-хан¹³. Я не прервал беседы и сказал: «Мирза Реза, знай, что Бог тебя сохранил и извлек из пасти льва». Он сказал в ответ: «Ведь он мне поклялся и меня успокоил». Я сказал: «Наиб ос-Салтане в клятву не верит, не доверяй ему ни в чем. Я знаю таких лиц, которым он клялся и давал расписки и все-таки их арестовывал. Ты ни благороднее, ни достойнее сейид Джемаль эд-Дина, а его он изгнал. По твоим же собственным словам, Хаджи Мохаммед Хасан давал пятьдесят тысяч туманов за то, чтобы не изгоняли сейид Джемаль эд-Дина, и ничего не достиг, поэтому твое слово — а ты ведь лишь простой торговец с рук — его на путь не приведет». Так как слова мои не соответствовали желанию Мирза Резы, то и не произвели на него решительно никакого действия. Он поднялся и ушел, и более по этому делу ни с кем не советовался.

А Наиб ос-Салтане в тот же день послал схватить и привести двух известных бабидов. Эти спросили: «За что вы нас схватили?» Сказали: «За вами никакой вины нет, а схватили мы вас для одного правительственного мероприятия и потом отпустим вас невредимыми».

Мирза Реза пошел в дом дервиша Мирза Ака, изложил положение и сказал: «Я сказал Хаджи Сайяху, он меня побранил и сказал, чтобы я более не ходил, потому что, если пойду, буду схвачен, а также чтобы я ничего не писал, потому что, написав, я отдам собственную кровь». Дервиш Мирза Ака сказал: «Что знает Хаджи Сайях! Царский сын тебе дал слово, и Ака Бала-хан тоже тебя поддерживает. Сегодня переночуй здесь, а завтра обязательно иди!» Ночь Мирза пробыл там. На следующий день он услышал, что схватили двух бабидов, и сказал дервишу Мирза Ака: «Так как схватили двух бабидов, то я боюсь идти». Мирза Ака сказал: «Не бойся! Тебе-то что? Разве ты бабид!?»

Так как был рамазан, то весь день Мирза Реза пробыл в доме Мирза Ака. Под вечер он собрался и пошел в дом Ака Бала-хана; вместе они отправились к Наиб ос-Салтане. Последний спросил: «Письма принес?» Мирза Реза сказал: «Еще не написал, — все, что Вы прикажете, я напишу». Было понято так, что ему помешали. Наиб ос-Салтане говорил много, вторич-

но его успокоил и сказал: «Ака Бала-хан, отправляйтесь вместе с Абдаллах-ханом вали и Мирза Резой в дом Ака Бала-хана, дайте Мирзе черновик, пусть он напишет». Все трое тотчас же уехали. Все, что вали и Ака Бала-хан сказали, Мирза Реза написал. Все это с несколькими письмами с разнообразными адресами у него отобрали, а затем сказали: «Хорошо, Мирза Реза, а кто же это такие, лица этих убеждений?» Услышав эти слова, Мирза Реза остолбенел и сказал: «Письма эти продиктовали Вы, а я написал: на какого невинного я наведу подозрение?» Ака Бала-хан сказал: «Добровольно ты не скажешь». Затем он потребовал треножник и плеть, чтобы его побить. Мирза Реза схватил ножницы из пенала, который держал перед коленями, и вонзил их себе в живот так, что приблизительно на четыре пальца была разрезана кожа на его животе и из этой раны вышло много крови. Немедленно привели хирурга и наложили швы. Так как из него вышло много крови, то хирург сказал, чтобы ему дали хины и вина. Через полчаса после того как его связанного оставили одного в комнате, опьянение подействовало на Мирза Резу, и он сам с собой говорил: «Прав был Хаджи Сайях, когда говорил, что Наиб ос-Салтане никакой веры в клятву не имеет и схватит меня, чтобы придать делу моему блеск перед своим отцом».

Эти слова Мирза Резы из-за двери услышали и с теми, писанными его рукою письмами сообщили Наиб ос-Салтане. А он письма и все, что сердцу его хотелось, доложил Его Величеству шаху на словах и впутал еще нескольких человек. Так как к Зилл ос-Султану¹⁴, своему старшему брату, он питал страшную ревность, а Зилл ос-Султан ко мне, Хаджи Сайяху, относился с особым расположением, то он приказал схватить и меня, для того чтобы еще больше раздуть дело. Мирза Мохаммед Али-хана, секретаря Мальком-хана¹⁵, также схватили; Мирза Насролла-хана, брата жены Сахеддивана¹⁶, и брата его также схватили. Он [Наиб ос-Салтане] так представил, что эти лица — враги Его Величества шаха и домогаются республики, а, дескать, мы с Ака Бала-ханом схватили врагов шаха и династии. За эту услугу он получил прибавку жалованья в тысячу туманов, а для Ака Бала-хана титул Векиль од-Доуле и звание эмир-тумана.

Нас, восемь человек арестованных, никто, кроме Наиб ос-Салтане и Везир-и Низама, который был дядей Наиб ос-Салтане со стороны матери, Ака Бала-хана и вали, не видел, чтобы о чем-нибудь спросить или о чем-нибудь поговорить; нам постоянно давали обещание, что, дескать, «завтра вас выпустят». Его Величество шах несколько раз желал лично нас видеть, но

Наиб ос-Салтане мешал; отнесли наши фотографии, и шах [их] видел. И никому не позволяли приходить к нам, пленным, из опасения, что о своей невинности мы доведем до сведения шаха.

С 16-го рамазана до первых чисел зу-ль-кааде, что составляет месяц и четырнадцать дней, мы были в цепях заточены в под-земелье в доме Ака Бала-хана. В первый день месяца зу-ль-кааде пришли и сказали: «Вы совсем загрузили, мы отвезем вас в Эмирийе, сад Наиб ос-Салтане». Нас отвезли в Эмирийе в придворных колясках с фаррашами; там фаррашей отпустили и поставили вокруг нас солдат с ружьями — казалось так, что нас собираются расстрелять. Мы оставались там до заката солнца. Затем привели почтовый дилижанс, и Наиб ос-Салтане, заключив нас в цепи, передал Саад ос-Салтане¹⁷, губернатору Казвина, и Амин-и Хакану и со ста всадниками отправил в Казвин. На ночь у нас была остановка в Шах-абаде, а на следующий день после полудня нас на почтовых доставили в Казвин.

До первых чисел джамади-оль-авваля следующего года, т. е. 18 месяцев, мы были в заточении в Казвине и проводили жизнь в разного рода невзгодах: мы не имели решительно никаких сведений о наших женах и детях, равно и они не знали ничего, живы мы или умерли, пока не заступился за нас невинных Его Высокопревосходительство Амин ос-Султан садр-азам. Он изыскал способы для нашего освобождения и освободил нас, несмотря на то что Наиб ос-Салтане вынудил его на расходы.

Тогда Наиб ос-Салтане сказал Его Величеству шаху: «Так как арест их был произведен мною, то хорошо бы было, чтоб и освобождение их было тоже через меня». Шах приказал, чтобы из Казвина нас привезли к Наиб ос-Салтане. Саад ос-Салтане, губернатор Казвина, отправил нас на почтовых из Казвина в Тегеран и доставил в Эмирийе, сад Наиб ос-Салтане. Наиб ос-Салтане держал нас там семь дней и, взяв с каждого по мере возможности взятку, отпустил нас. Так как Мирза Реза ничего не имел, чтобы дать взятку, то его одного он задержал и два года держал его в заключении в правительственной тегеранской тюрьме и причинял ему разного рода мучения и невзгоды. Жена его и дети бегали ко всем вельможам; в конце концов выступил посредником имам-и джом'э и освободил его¹⁸.

Через некоторое время, однако, Наиб ос-Салтане опять придрался к нему и вторично заключил его в тюрьму. Опять семья его пожаловалась имам-и джом'э. Имам-и джом'э в личном письме доложил Его Величеству шаху подробности [дела], шах приказал освободить его и дал ему даже 50 туманов награды, чтобы он удалился из Тегерана. Из этих 50 туманов шахской награды Мирза Резе дали только 25. Мирза Реза сказал: «Дайте

по крайней мере столько, чтобы я мог удалиться с семьей». Наиб ос-Салтане сказал: «Шах приказал нам тебя выгнать, — поэтому за семью твою мы не отвечаем». Мирза Реза поневоле взял те деньги и отправился в Стамбул к своему господину сей-ид Джемаль ад-Дину¹⁹. Там он пробыл шесть месяцев. Оттуда, переменяв одежду, возвратился в Тегеран. Ни с кем не знакомясь, он сел в бест в святыне Абдоль-Азим и оттуда неоднократно писал Наиб ос-Салтане: «Я никого не боюсь, кроме Вас; дайте мне слово, что Вы не будете иметь до меня никакого дела, чтобы я мог прийти в город и заняться своим промыслом». Тот ему не ответил. Он обратился с прошением к Его Величеству шаху и садр-азаму, — из уважения к Наиб ос-Салтане ему не ответили и дали ему понять, что доволен им должен быть Наиб ос-Салтане и что с самого начала никто другой не имел до него никакого дела.

Однажды Ака Бала-хан Векиль од-Доуле Сардар-и Афхам отправился на поклонение в святыню Абдоль-Азим, увидел переодетого Мирза Резу и сказал: «Мирза Реза! Где ты был?» Тот ответил: «Из страха перед Вами и Вашим господином Наиб ос-Салтане я пришел в бест» — и, указывая рукою на могилу Его Святейшества Абдоль-Азима, сказал: «Заклинаю тебя этим святым, не имейте до меня дела и дайте клятву, что вы меня не обидите: я приду в город Тегеран и буду заниматься своим промыслом, и я клянусь, что никуда, кроме базара, где буду заниматься своим промыслом, не пойду и не буду вмешиваться ни в какие разговоры, или же дозвоьте мне прийти в город, забрать семью, со спокойным сердцем отправиться в другое государство». Как он настойчиво ни просил и как он ни клялся, Ака Бала-хан Векиль од-Доуле Сардар-и Афхам не дал ему удовлетворительного ответа. Когда Ака Бала-хан отошел от него, Мирза Реза сказал: «Нужно изыскать такие средства, чтобы весь народ успокоился от тиранства твоего и твоего господина, т. е. Наиб ос-Салтане».

Глава 35

О ЗЛОСЧАСТНОМ СОБЫТИИ, [ПРОИСШЕДШЕМ] ПО ПРИЧИНЕ БЕДСТВИЯ И ВРАЖДЫ

В течение нескольких суток из-за распределения и приглашения послов, иностранных чиновников и персидских министров и служащих я был вынужден большую часть времени проводить у Его Высокопревосходительства садр-азамы и выслушивать его приказания, предназначения и поручения. Наступила ночь на

пятницу 17-го числа месяца зу-ль-кааде [30 апреля 1896 г.]. Когда прошел один час от ночи, я отправился в парк к садр-азаму. Он курил кальян во внутреннем коридоре дворца, сидя на кушетке, недалеко от камина. Около кушетки стоял первый секретарь английской миссии.

Я подошел и не успел заговорить о каком-нибудь деле и спросить приказаний, как прибыл Этемад оль-Хазрат, шахский абдар-баши²⁰, и доложил садр-азаму: «Шах изволят приказать: завтра мы непременно отправимся в Шах-Абдоль-Азим». Садр-азам с крайним отвращением сказал: «Как им угодно, только меня пусть уволят, так как у меня есть кое-какие очень нужные дела». Этемад оль-Хазрат сказал: «Шах нарочито подтвердили и мне настойчиво приказали передать, что, конечно, Вы тоже пожалеете». Садр-азам после некоторого раздумья сказал: «Очень хорошо». Когда Этемад оль-Хазрат уехал, садр-азам шутя сказал мне: «Захир од-Доуле, посмотри, какой удивительный у тебя тесть: слова ему в ухо не входят. Сегодня он два раза сказал, что завтра мы отправимся в святыню Абдоль-Азим на поклонение, а я сказал: «Так как и шах и я имеем очень нужные дела из-за устройства праздника, поездку туда назначьте на после праздника», он не согласился и теперь вот опять прислал известие». Я ничего не сказал в ответ садр-азаму. На протяжении одной-двух минут я доложил два-три дела, какие у меня были, получил ответ и вернулся к себе домой. Так как в предшествующую ночь я спал очень мало, то я поскорее поужинал и заснул.

Утром, несмотря на то что была пятница и праздник, я проснулся очень рано, вышел на мужскую половину, сел в мезонине, обращенном на север, и занялся делами с писцами и секретарями, которые мало-помалу подошли. От всего дипломатического корпуса, который вчера мы пригласили на шахский обед во дворце, сегодня пришел ответ, что они принимают столь почетное для них приглашение с крайней радостью. Мы занялись приглашением принцев, министров и чинов двора всякого рода на *soirée*, зрелище и т. п. Так как Ее Высочество Малике-йи Иран²¹ сегодня была в гостях у нескольких шахских жен в саду Баг-и Шах, который расположен за городским рвом в западной стороне города, то я, против обыкновения, все дни завтракал на мужской половине.

После завтрака мы опять занялись делами. Когда оставалось четыре часа до заката солнца, в мезонине появился мой абдар Юнус-хан в очень взволнованном состоянии и что-то очень тихо сказал на ухо Мирза Ахмед-хану Мустоуфи, мунши министерства церемоний, который сидел против меня и занимался делом.

Мирза Ахмед-хан положил перо из рук на землю и сказал мне: «Кажется, в святыне Абдоль-Азим в одного из царевичей, которые были вместе с шахом, выстрелили, но не попали». Я сказал: «Кто этот царевич?» Он сказал: «Говорят, царевич Амир-ахур, и говорят также, что выстрелили в тамошнего доктора Хосейн Кули-хана». Стоявший Юнус-хан, перебив Мирза Ахмед-хана, сказал: «Город почти пришел в волнение». Я сказал: «Из-за чего?» Он сказал: «Из-за этих именно выстрелов. Сейчас все шахские кучера явились с крайней поспешностью и повезли в святыню Абдоль-Азим шахского доктора Толозан»²². В это время Ака Мохаммед Джафар-хан, один из моих дальних родственников со стороны матери, вошел в дверь в состоянии худшем, чем Юнус-хан, и сказал: «Удивительное смятение: полковник — начальник казаков со всеми казаками в карьер полетел в святыню Абдоль-Азим»²³, и следом за казаками отправился Хаджи Кули-хан Бахтиярский со всеми бахтиярскими всадниками»²⁴. Мирза Ахмед-хан встал, спустился с мезнина вниз и, вернувшись в очень расстроенных чувствах, что видно было по его внешнему виду, сел. Ака Мохаммед Джафар-хан, который сходил вниз, пришел и сказал мне на ухо: «Кажется, выстрелом этот сделали в шаха, и попал он ему в ногу, но никакого вреда не сделал». Услышав эти слова, я, подобно Мирза Ахмед-хану, положил перо из рук на землю; у писцов, которые занимались делом, и присутствовавших настроение сразу изменилось. Я сказал, чтобы несколько человек отправились в сад Баг-и Шах и приехали с коляской Ее Высочества Малике-йи Иран. В это время прибыл наш евнух Хаджи Башир-хан и вошел в таком виде, что даже при таком [тревожном] положении вызвал в нас смех, и сказал мне на ухо: «Малике-йи Иран сказали, чтобы вы сейчас послали нарочного в Шах-Абдоль-Азим: пусть сам увидит шаха и принесет известие о благополучии». Я согласился, сказал Юнус-хану, и он сам отправился верхом. Через небольшой промежуток [времени] он возвратился и сказал: «Городские ворота, ведущие в святыню Абдоль-Азим, по приказанию садр-азама заперли, и никого не пускают ни туда, ни сюда». Пришло известие, что Малике-йи Иран и шахских жен отвезли на шахскую женскую половину по приказу садр-азама, который из святыни Абдоль-Азим поручил это сделать Махди Кули-хану Каджару Маджд од-Доуле»²⁵.

Постоянно приходили вызывающие страх известия. До моего уха дошел звук трубы приветствия артиллеристов на тот манер, как трубят только во время проезда шахского кортежа»²⁵. Я обратил на это внимание сидящих, а Ака Мохаммед Джафар-хана для расследования отправил в шахскую экипажную»²⁰.

которая находится недалеко от моего дома. Он пришел и сказал: «Я сам видел коляску шаха, которую привезли, и спросил; сказали, что шах, садр-азам и один из царских слуг в святыне Абдоль-Азим сели в коляску и вышли в шахском дворце». В мезонин вошел очень развязно Аббас Кули-хан, начальник курьеров каказани, с ружьем через плечо, кинжалом за поясом и в высоких сапогах, и потребовал награды за радостную весть, говоря: «Шах — слава Аллаху — благополучно прибыл в государственный сад и дворец». Я у него стал разузнавать, и он сказал: «Утром с шахским кортежем я отправился в святыню Абдоль-Азим. Через полчаса после полудня внутри святилища какой-то человек из толпы женщин сделал выстрел в сторону шаха, — он попал в его благословенную ногу, но, слава Аллаху, ничего не вышло, [только] появилась небольшая слабость. По этой причине садр-азам и один слуга тоже сели в коляску и обвевали шаха [веером]». Я сказал: «Ты сам видел?» Он сказал: «Да, я сам видел, как шах изнутри коляски движением руки отвечал, как обыкновенно, на приветственные рожки артиллерии, и на руке у них была белая перчатка, и я был при них до ворот Али Капу, [а потом] в коляске они прибыли в государственный дворец». Я сказал, чтобы ему дали награду за добрую весть, и приказал заложить для себя коляску, — поеду посмотреть шаха и садр-азам.

Коляска была подана. Я сказал друзьям: «Пока я не вернусь, вы не расходитесь: я привезу для вас известие верное, не ложное». Когда оставалось два часа до заката солнца, я выехал из своего дома во дворец. Я увидел, что все лавки на пути — еврейские, армянские и мусульманские — заперты; была необычная обстановка. Я поехал очень быстро. Доехав до Дарб-и Али Капу, я увидел много колясок, пролеток и лошадей министров и вельмож, которые прибыли во дворец. Я вышел из коляски и увидел секретаря английской миссии, который шел от его высочества садр-азам, т. е. шел, официально получив сведения для английского посланника. Я спросил у него, он не дал точного ответа. Я дошел до Диван-хане. У двери во двор, известный под названием Двор Сандук-хане²⁰, — это небольшой двор между двором Мраморного трона²⁷, места официального восседания и общих приемов, и садом Баг-и Гулистан, где помещается собственный Его Величества дворец, я увидел большую толпу: дверь была заперта, стояли за дверью и в молчании и удивительном смущении ожидали известия о благополучии шаха. С большим трудом я прошел через ту толпу; когда я достиг двери, дверь разом открылась и появились садр-азам и военный министр Наиб ос-Салтане. Садр-азам у двери гром-

ким голосом сказал народу: «Шах, слава Аллаху, не пострадал, только от небольшого удара в его ногу чувствуют некоторую слабость и недомогание. Сегодня они не могут воссестъ — объявили общий прием на завтра, чтобы очи всего народа от созерцания красоты их стали ясными». Сказав эти слова, садр-азам позвал меня. Я пошел в дверь, чтобы с ним отправиться в шахский сад; Наиб ос-Салтане сказал садр-азаму: «Я поеду домой, я очень устал». Сколько садр-азам ни настаивал, что-де отдохните здесь же, тот сказал: «Нет, я непременно должен отправиться домой», и уехал к себе в помещение, которое находится в том же государственном дворце, а название того дворца «Имарат-и Хуршид» (Дворец солнца). Оттуда он сейчас же уехал в свой сад, который находится недалеко от городских ворот сада Баг-и Шах. Имя его «Эмирийе». Уже много лет каждый год он тратил на этот сад половину жалованья и довольствия натурой, отпускаемых на армию.

С садр-азамом, царевичами и большей частью министров мы отправились в сад. Садр-азам приказал, чтобы дверь в сад заперли. Врачи персидские и европейские, которые отправились в Наренджистан²³ осмотреть шаха, возвращались по одному-по два в расстроенном состоянии и никому у них спрашивавшему не отвечали или качали головой. Мы стояли с садр-азамом, министрами и царевичами около бассейна, недалеко от двери сада, как прибыли Али Реза-хан Каджар Азуд оль-Мольк²⁹ и Мирза Фатх Али-хан Ширази Сахебдиван. Азуд оль-Мольк с чрезвычайной грубостью и неучтивостью у всех нас спросил: «Что вы сделали с шахом?» Садр-азам сказал: «Они изволят быть в Наренджистане, отправляйтесь к ним». Он пошел. Сахебдиван, который был с ним, после ухода Азуд оль-Молька вошел в среду собравшихся и очень кратко и вежливо спросил у садр-азамы о положении шаха. До этого времени Его Высочайшего превосходительства садр-азам не сделал официального сообщения; хотя мы все знали, но ничего друг другу не говорили. После вопроса Сахебдивана садр-азам встал, а прочие стали вокруг него кольцом. Садр-азам, обращаясь к Сахебдивану, который был стариком с седою бородою и из всех министров, пожалуй, наиболее уважаемый, громким голосом сказал: «Самое чистое сердце этого государства, сердце шаха, самый нечистый человек этого государства, Мирза Реза Керманский, ударом пули наполнил кровью». Садр-азам сказал это и, подобно очень нежному сыну, который оплакивает отца, начал говорить [соответствующие] слова и громко плакать. Все царевичи и министры удивительным образом занялись плачем и рыданием, и поистине все имели [на это] право.

Персидские истории очень мало указывают государей, которые были бы более ласковы, добры, заботились о подданных, искали прогресса, доброжелательны, милостивы, снисходительны, негневны, великодушны, любили процветание, жизнь и привлекательны видом, чем Насер эд-Дин Каджар. Время его царствования было 50 лет без нескольких дней при полном спокойствии и тишине и совершенном благополучии и безмятежности.

Постройки, которые он для отдыха и развлечений возвел в Тегеране, кроме построек государственных, т. е. площадь Майдан-и Тупхана, арсенал, площадь Майдан-и Машк, склады оружия и солдатского платья, казармы, бульвары и мосты, — следующие³⁹. Шахский андерун в Тегеране, который заключает в себе приблизительно тысячу маленьких и больших комнат, десять малых дворов и семь малых и больших бань; изменения в Баг-и Бируни, царском дворце и саду Баг-и Арк. Эшратабад, который находится к северу от города Тегерана и удален приблизительно на две тысячи шагов от городского рва. Сад Баг-и Айшабад — в том же направлении, приблизительно в тысяче шагов от Эшратабада. Сады и дворцы Салтанатабад к северу от города, одно из летних местопребываний, в полутора фарсах от города. Дворцы и сады Сахибкеранийе расположены у подножия Эльбурсских гор, официальная султан(ская) дача; отсюда до города Тегерана два фарсаха расстояния — устроены в ознаменование тридцатого года царствования. Сад Баг-и Акдасийе отдален от Сахибкеранийе на четверть фарсаха к востоку. Дворцы Шахристанак расположены у истоков реки Кередж, в горах, [а оттуда] до города проведено шесть фарсахов дороги. Сады и дворцы Лашкарак — в горах, на берегу реки Джаджруд, считаются одним из летних местопребываний с очень хорошим климатом; отсюда до города Тегерана четыре фарсаха расстояния. Дворцы и сады Каср-и Якут лежат на северо-восток от города Тегерана, место охоты, в трех фарсах от города, и до города проложена широкая дорога. Дворцы и насаженный лес охотничьих угодий Джаджруд лежат в горах на северо-восток от Тегерана, и расстояние их от города шесть фарсахов. Сады, дворцы, постройки, дороги и аллеи Доушан-Тепе лежат к северо-востоку, на расстоянии одного с половиной фарсаха от города и до города имеют широкую обсаженную деревьями чистую аллею. Сады и дворцы Каср-и Фирузе лежат у подножия гор недалеко от Доушан-Тепе. Дворцы и сады укрепления Неджефабад — за святыми воротами Абдоль-Азим, в южной стороне от города, до старого города две тысячи шагов пути. Дворцы и сад Баг-и Шах, который окружает стена в полфарсаха, лежит в западной стороне от города, почти примыкает к городскому

рву и имеет специальные городские ворота. Этот сад — место прибытия в первый день приезда послов и посланников, т. е. здесь мы устраиваем церемонии приема и встречи — официально здесь принятые, они потом въезжают в город. Это — строительство в Тегеране. В других главных городах владений и областей Персии он по большей части возвел прекрасные здания.

Город Тегеран он увеличил, т. е. он стал в четыре раза больше прежнего. Заводы свечного и стекольного производства, машинные мастерские, железная дорога, монетный двор, арсенал, трамвай, электрическое и газовое освещение, телеграф, фотография и фонограф появились в Иране во время этого государя, — он имеет большие заслуги перед этим народом, не признающим своих обязанностей, и перед неблагоприятными подданными.

Он сочинял хорошие стихи и понимал и любил каждого, кто сочиняет стихи. Он в высшей степени любил игру на сазе и сам тоже играл на пиано и таре. Он знал языки французский, персидский, турецкий-османский и турецкий-персидский и говорил на них. Всю жизнь во время завтрака он слушал иностранные газеты, а по вечерам во время кушанья — исторические книги. В свое время он выделялся из всех охотников и питал большую склонность ко всякой охоте вообще и в особенности к охоте на леопардов, и много тоже [их] свалил. Он совершил три путешествия в Европу для обозрения и осмотра памятников и свидания с монархами и объехал большую часть мест, кроме Америки; усвоив хорошие дела, хотел осуществить их в Иране, но как жаль, что мы, народ дикий, не принимаем воспитания и улучшений. (Желание того, чтобы мы стали воспитанными, осталось в сердце несчастного Насер эд-Дина.) Недостатки, которые люди прозорливые и обладатели знания глазом расследования увидели в его существе, были только чуточка сластолюбия и крошечка жадности. Вернемся к изложению.

Садр-азам, после того как, всё стоя с царевичами и министрами, приблизительно час предавался печали, как сын, сказал, чтобы принесли и разостлали ковры, и приказал всем сесть. Хаджи Сам-мирзу Баха од-Доуле, который принадлежит к числу уважаемых царевичей и [был] эмир-туманом, и Мирзу Мохаммед-хана Каши Эқбал од-Доуле³¹, который принадлежит к числу министров, послал в Эмирийе к Наиб ос-Салтане, военному министру и сыну покойного шаха, сказать: «Пожалуйста, посмотрим, что следует делать». Тот несчастный из страха за свои дурные деяния из дома не вышел и дал знать: «Никак невозможно мне выйти из дома, — разве только закуют меня в цепи и потащат». Садр-азам сказал: «Очень хорошо, не стоит разговаривать».

Обратившись к собранию, он сказал: «Мое высокое сидение теперь сохраняется лишь по традиции, так как вы знали меня садр-азамом; теперь я каждому из вас равен. Нет никакого сомнения в том, что это государство не останется без хозяина, равно как нет никакого сомнения в том, что, если произойдет беспорядок, смута и дикости, хозяин государства со всех вас спросит и каждый будет ответственным; поэтому лучше вам выдвинуть одного человека, который в действительности будет вершить дела в течение двух-трех дней, пока придет известие и телеграфный ответ из Табриза». Все царевици, министры и чиновные люди с крайней вежливостью и смирением выразили: «Точно таким же образом, как до сих пор Вы были над нами большим начальником и приказывающим, теперь мы все по мере силы готовы подчиниться Вашим приказам».

Тогда садр-азам занялся делом. Город и внутренний порядок Тегерана он поручил полковнику и казакам и каждую дорогу и улицу поручил отдельному и особому отряду из полков и проявил необыкновенное знание дела³². Послы и посланники все прибыли и видели садр-азам. В это время от Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха — да делает Аллах вечным царство его — пришел по телеграфу указ на имя Его Выссокопревосходительства садр-азам, и стало известно, что садр-азам есть садр-азам и полномочия принадлежат ему.

Я для отдыха от усталости поднялся из собрания, отправился в одну из комнат и сел. Мирза Мохаммед-хан Амин-и Хакан³³, слуга шаха, который по приказу садр-азам из святыни Абдоль-Азим сел в коляску шаха, пришел и сел передо мною. После плача и слез я ему сказал: «Расскажи мне истинные подробности происшествия, так, как ты видел».

Он сказал: «В полдень шах и садр-азам вошли во двор святыни Абдоль-Азим. Тамошний правитель и слуги хотели учинить недопущение и удаление народа, как это всегда было в обычае в таких случаях. Шах не дозволил и сказал: «Не мешайте никому входить: сегодня я хочу поклониться, подобно прочим людям». Шах устремился на поклонение. Садр-азам сказал: «Хорошо было бы Вам перед поклонением отправиться в сад, откусать завтрак и потом прийти на поклонение». Шах сказал: «Нет, так как я уже совершил омовение, сначала отправимся на поклонение. Если завтрак будет в час после полудня, ничуть не важно». Шах вошел в часовню, обошел могилу один раз, остановился у нижней [ее] стороны и потребовал коврик и место для намаза. Так как коврик долго не принесли, садр-азам удалился на несколько шагов. Шах надел очки и смотрел в сторону женщин. Слева от шаха, между двух стоявших жен-

щин, какой-то человек высунул из-под аба руку и протянул к шаху большую бумагу в виде прошения. Когда до шаха оставалось приблизительно четыре шага, из-под прошения грянул звук шестизарядного револьвера. Шах мог только сказать: «Хаджи Хосейн Али-хан, подхвати меня». Хаджи Хосейн Али-хан и мы — один-два человека из слуг, которые находились вблизи, — подхватили шаха. Пять-шесть шагов он сделал собственными ногами, а потом лишился чувств. Мы отнесли шаха в помещение, известное под названием «Гробница наследника», которое отсюда было очень близко. Когда там положили шаха на землю, он испустил один глубокий вздох и больше не дышал. Садр-азам, покончив с поимкой и задержанием убийцы, пришел к шаху и очень всем поручал, чтобы никто не говорил, что шах убит: «Говорите, что попало ему в ногу и вызвало некоторую слабость». И приказал подать шахскую коляску, насколько возможно близко; шаха в полном форменном одеянии, как он прибыл, с надетьми на глаза очками, посадили на стул и очень быстро поместили в коляску. Садр-азам сказал мне: «Я сяду сбоку шаха, чтобы его поддерживать». Сев в коляску, он обмахивал его платком для того, чтобы все знали, что он жив. Мы прибыли в государственный дворец так, что никто не понял. И вот то, что вы видите».

Я увидел Мирза Исмаил-хана Амин оль-Молька³⁴, министра финансов и казны, брата садр-азам, и Икбал од-Доуле, которые направлялись к абдар-хане, а это маленький дворик в старом Каср-и Абйаз. Амин оль-Мольк позвал меня, я пошел, он сказал: «Мы идем смотреть Мирза Реза Керманского, убийцу шаха, — ты тоже, если хочешь, иди». Я отправился с ними с большим удовольствием. Двор абдар-хане я увидел наполненным бахтиярскими всадниками, солдатами и офицерами, — все покрыты пылью и в расстроенном состоянии до такой степени, что смотреть на них выводило человека из естественного состояния.

В южной части двора в углу, который примыкает к западу, была дверь, запертая на замок, и из-под двери приблизительно на 2—3 зара выходила наружу и была прибита толстая цепь. Амин оль-Мольк приказал открыть дверь. [За дверью] оказался маленький коридор, который имел два зара в длину и один зар с четвертью в ширину. Мирза Реза лежал посредине, близ двери, в таком виде: на теле он не имел никакого одеяния, кроме одной старой нижней рубахи, в большей части мест разорванной; руки его выше локтя были завязаны назад и у запястьев скованы той цепью, которая была прибита снаружи, на шее его был замок. Его так много колотили, что он лежал без чувств:

с открытыми срамными частями. Так как одно его ухо в святыне Абдоль-Азим во время поимки оторвали женщины, на голову ему повязали какую-то грязную тряпку. (Поистине выхватить живым такого убийцу для допроса из среды такого сброда и любящего шаха народа было одним из больших дел садр-азам.)

Так как Амин оль-Мольк по природе человек стыда и совести, то он обругал караульных того помещения и приказал надеть на убийцу шаровары, а также сказал, чтобы развязали руки его, раз шея его на цепи, чтобы он не умер. Я, для того чтобы он открыл глаза, тихо приложил к его лбу конец бывшей в моих руках трости: он открыл глаза, взглянул на меня и, не говоря ни слова, закрыл [их].

Мы пришли к садр-азаму. Когда прошло около получаса от ночи, для омовения шаха все было готово. Садр-азам двум братьям шаха, Аббас-Мирза Молькара³⁵ и Абд ос-Самад-Мирза Изз од-Доуле³⁶, и нескольким лицам из уважаемых министров приказал: «Пойдемте и вынесем убитого шаха из комнаты». Мы отправились в Наренджистан, который находится в конце шахского сада в северо-восточной части и имеет приблизительно ширины и длины десять на сто заров; он очень разукрашен, да еще для празднества там убранства прибавили. Оттуда мы отправились в Бриллиантовый зал³⁷, который отделан зеркалами и очень разубран и разукрашен. Я от сильной жалости не мог идти наверх, и с Джафар Кули-ханом Каджаром Хаджиб од-Доуле²⁰ мы остались внизу мраморных ступенек у Хрустального бассейна.

Труп шаха, который положили на коврик, окружили все царевичи и министры, вынесли из комнаты, положили на верху ступенек между двух мраморных колонн и удалились; не осталось никого, кроме Хаджи Мохаммеда Али-хана Амин ос-Салтане³⁸, шахского сундучного, чтобы снять платье, Гулям Али-хана Амин-и Хумаюн³⁹, главного дворецкого, Джафар Кули-хана Каджара Хаджиб од-Доуле и царевича Хаджи Феридун-Мирзы, брата Хаджи Баха од-Доуле, — так как он был муж седобородый, да и в обычае, что султанов из Каджаров непременно должен омыть Каджар; затем один ахунд, Хаджи Хайдар, собственный шахский цирюльник, и несколько человек шахских водоносов с кожаными ведрами, которые они имели в руках, и я. (Велик Аллах! Примите во внимание, о люди разумения! Дорогой брат! Будь бодрствующим относительно начала и конца этого света. Что мне сказать? То, что я написал и пишу, я сам видел: оно не принадлежит к числу известий, допущающих и истину и ложь, — в нем нет никакой лжи.)

Сначала водоносы вымыли мостовую между Хрустальным бассейном и ступенями, где все оставляют обувь, вылив несколько ведерок воды; затем Хаджи Амин ос-Салтане снял с тела шаха черный суконный полукафтан, расшитый алмазами, который [шах] сшил с очень большой охотой для того, чтобы одевать при юбилейных празднествах и который недавно только был готов (нет божества, кроме Аллаха!); он снял все белье шаха: половина шахской рубашки была до такой степени окровавлена, что белизны ее совсем не было видно; рану шаха я видел отчетливо — как будто рука судьбы приложила печать... Тело шаха обнаженным снесли сверху ступеней и положили на землю, которую, как я сказал, вымыли водоносы; оно было очень белое, полное, соразмерное; бороду его в этот же день утром для отправления в святыню Абдоль-Азим выбрил на этом самом месте тот же самый Хаджи Хайдар, собственный (Его Величества) цирюльник. Видеть шахскую рану, которая была кроваво-красная, на том теле, очень белом, без изъяна, безмерно мучило глаза. Тот ахунд, который желал, чтобы ему позволили стать на пути, по которому проезжает шах, стоял очень близко от головы шаха, в башмаках, и из предосторожности, чтобы его не облили, собрав свою аба и платье и подхватив под мышки, он приказывал водоносу: «Поливай!» — и сам громким голосом говорил: «На правую сторону!», и [так] Хаджи Хайдар, собственный [Его Величества] цирюльник, тело шаха с правой стороны поворачивал на левую, а один водонос выливал одно кожаное ведро воды. Коротко говоря, могущественного царя царей богоспасаемых владений иранских омыли, как омывают какого-нибудь нищего по закону пророка [божия]. Самое удивительное то, что из всего того, что он [шах] привык считать собственностью, для него не нашлось даже суммы стоимости одного савана; принесли саван Азуд оль-Молька и облекли в него шаха... (Царство принадлежит Аллаху, Единому Всемогущему, он — живой, который не умирает!) Когда прошло четыре часа ночи, закончили омовение шаха и облачение [его] в саван. Испросив у садр-азама позволение, я вернулся домой.

Изумительно, между прочим, следующее. В то время как я из дома ехал во дворец и народ сомневался в убийстве шаха, все лавки заперли и находились в крайнем смятении, а теперь, когда знают наверно о мученичестве шаха и ночь близка уже к полудню, я увидел все лавки открытыми: дверь каждой лавки по приказу садр-азама охранял солдат и казак, чтобы никто не учинил никакого насилия и несправедливости, чтобы народ не болтал и не пустословил, из чего могли бы получиться причины какого-нибудь беспорядка.

Глава 37*

ВТОРОЙ ДЕНЬ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ ШАХА,
МУЧЕНИКА ЗА ВЕРУ

Утром в субботу 17 числа я отправился во дворец. По дороге я увидел, что весь народ до такой степени опечален и в горести, словно у всех жителей этого города, пожалуй, даже у всего народонаселения этого государства умер отец, — да в действительности так именно и было, потому что из десяти человек жителей Тегерана только один помнит покойного Мохаммедшаха, прочие же думают приблизительно так, что, кроме Насер эд-Дин-шаха, в иранском государстве никто не царствовал и не будет царствовать... Я прибыл в канцелярию Мраморного трона в царском саду. Его Высокопревосходительство садр-азам, все царевичи, министры, правители и государственные вельможи сидели на диванах и стенных нишах перед дворцом Шамоль-Имарат⁴⁰, который расположен в царском саду в восточной стороне и обращен на запад; там же находится собственная царская телеграфная комната.

Когда все собрались, из Табриза от Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха пришла телеграмма садр-азаму, всем царевичам, министрам и начальникам о том, чтобы каждый наблюдал за службой и возложенными на него делами и подчинялся приказаниям садр-азам. Эту телеграмму прочитал громко настолько, что слышали все бывшие, Али Кули-хан Мохбер од-Доуле⁴¹, министр народного просвещения и телеграфа... Все поблагодарили за шахское внимание и выразили покорность приказаниям.

Кажется, прошло три часа после восхода солнца, [когда] Его Святейшество Зейн оль-Абидин, имам-и джом'э, зять шаха-мученика, появился с противоположной стороны, от музея, с толпою сейидов и улемов. Садр-азам с царевичами и министрами встали, и мы отправились в сторону имам-и джом'э. Сошлись у дверей в Наренджистан, описание которого было дано выше. От дверей Наренджистана я, как при жизни шаха в торжественные дни шествовал впереди церемоний, так и сейчас шел перед этим обществом, которое поистине является церемонией сегодняшнего дня. Мы прибыли в Бриллиантовый зал. (Велик Аллах!) В этот приход мне пришли на память те дни, когда в форменных одеждах я с дипломатическим корпусом приходил в эту самую комнату и видел, что против великолепия,

* Глава 36 опущена, так как не представляет ценности. Она состоит из словосочий в честь садр-азам.

представительности и могущества Насер эд-Дин-шаха никто не в состоянии ничего показать.

Посредине комнаты было поставлено большое возвышение с инкрустациями ширазской работы, и верх его был устлан чрезвычайно тонкими черными кашмирскими шальями, а посредине того возвышения был поставлен гроб шаха, который тоже был покрыт кашмирскими шальями. Когда взоры прибывших в комнату, — а их было более трехсот человек, — упали на тот почтенный труп, все невольно, не обращая внимания на торжественность обстановки, начали громко и открыто плакать и рыдать, особенно царевичи и Каджары, которые в этом деле имели особое право. После того как это протянулось с четверть часа, имам-и джом'э и садр-азам усадили народ вокруг того возвышения. После прочтения [суры] Фатиха встали, поднялся необычный шум. (Всевышний Аллах! Что я сегодня видел!) С необычайным почетом и низкими поклонами начальники и ханы из Каджаров взяли на плечи труп шаха с возвышением и вынесли из зала наружу. Я, Хаджиб од-Доуле Мохаммед Рахим-хан на-сакчи-баши, Хаджи Али-хан джарчи-баши²⁰ и прочие почтенные члены передовых церемоний, как то: Наиб-и ишик-акаси-баши, Наиб-и фарраш-хане и другие, шли впереди того возвышения в установленном порядке, как было в обычае при жизни шаха ходить нам впереди. Имам-и джом'э, садр-азам, царевичи, министры, чины военные и гражданские следовали позади того возвышения. Мы шли в таком порядке. Господи, что за шествие?! На каждом шагу останавливались приблизительно на десять минут и плакали. Таким образом отнесли то возвышение в Текийе-йи давлати⁴², которое находится в южной стороне шахского сада; вчера по приказу садр-азам в большой нише Текийе, находящейся в южной стороне, устроили могилу и украсили и убрали разного рода цветами, живыми и искусственными, и прочими украшениями, коврами и вышивками. На возвышение посредине Текийе опустили с плечей возвышение с трупом шаха; все, бывшие с Его Святейшеством имам-и джом'э впереди, исполнили молитву над тем дорогим телом и опустили [его] в могилу⁴³. Его Высокопревосходительство садр-азам в этот день до такой степени плакал и рыдал, что три раза в изнеможении падал на землю. К завтраку, выйдя из Текийе, все отправились во дворец Шамс оль-Имарат; завтрак был откушан у садр-азам.

После полудня, испросив у садр-азам разрешение удалиться, я поднялся. Со мною поднялись также царевич Абд оль-Али-Мирза Мутамед од-Доуле, сын покойного Фархад-Мирзы Мутамед од-Доуле, и Мирза Абу Тораб-хан Назм од-Доуле, на-

чальник городской полиции ⁴⁴. На пути Мутамед од-Доуле выразил желание увидеть Мирза Резу и спросил меня, не могу ли я свести его посмотреть на Мирза Резу, убийцу шаха. Я согласился, и мы пошли с ним и Назм од-Доуле. На дворе Абдархане я сказал караулу, чтобы открыли дверь в тот коридорчик, в котором был заключен Мирза Реза. Сначала вошел Назм од-Доуле, затем я, потом Мутамед од-Доуле.

Мирза Реза был одет в очень грязный рваный войлочный стеганный халат; он сидел посредине того маленького коридорчика, о котором я писал, если помните. А лет ему приблизительно сорок пять. Лицо его чрезвычайно желтое, брови у него тонкие и прямые, глаза его необыкновенно страшные, грозные и впалые; борода его немного короче одной кабзэ, черная и редкая; баки торчащие, шея его немного длиннее обыкновенной, тело его ни полное, ни тощее, рост его ниже среднего, нос большой, лоб открытый и высокий, говорит очень твердо и спокойно с расстановкой и мало.

Разговор был такого рода. Назм од-Доуле спросил у него: «Ну, шах что тебе сделал?» Он сказал: «А я что сделал, что мне, несчастному, нужно было пять лет пребывать в цепях, чтобы Ака Бала-хан, положение которого вы все знали, сделался Векиль од-Доуле и Сардар-и Афхам и обладателем всего, тем более что он ничуть не выше меня?» Назм од-Доуле сказал: «Лучше убил бы ты этого — сына блудницы!» Мирза Реза сказал: «Наиб ос-Салтане сделал бы Векиль од-Доуле кого-нибудь другого». Назм од-Доуле сказал: «Убил бы Наиб ос-Салтане, шах что тебе сделал!» Мирза Реза немного подумал и сказал: «Что ж, была судьба, исполнилась». Назм од-Доуле замолчал. Мутамед од-Доуле, так как по роду немного груб и туп, несколько раз выругал Мирзу Резу и бывшей в руках его палкой нанес очень сильный удар ему по голове. Несмотря на то что голова его была обнажена, на лице его не показалось никакого следа страдания или боли, он посмотрел на Мутамед од-Доуле и сказал: «Царевич, что значат эти женские поступки? Если ты мужчина, действуй по-мужски!» Эти слова пришлось характеру Мутамед од-Доуле тяжкими, он очень смутился, сильно выругал его и опустил руку в карман, чтобы достать перочинный ножик и убить Мирза Резу. Я схватил его за руку и сказал: «Поистине, царевич, ты сошел с ума! Весь народ персидский знает, что этого человека нужно убить. Ведь есть же большая причина, что садр-азам с таким трудом уберег этого преступника. Зачем же хочите его убить?» Мирза Реза бровями указал мне на жесты царевича и усмехнулся. Мы вышли, караул запер дверь.

Много стало известно в народе разговоров про слова Мирза Резы, но большая часть их ложь и без основания. То, что вы могли бы собственными ушами слышать из уст Мирза Резы Керманского, есть именно то, что я написал...

Речи и поступки, которые приписали Мирза Резе, и были ложью такого рода. Стало известно, что два-три человека из шахских евнухов — белых и черных — отправились посмотреть на Мирза Резу в место заключения. Один из черных евнухов, который более всех горевал (из-за убийства шаха) и позади всех вошел в помещение, ломаным [пропуск в тексте] и персидским языком спросил у другого: «Это и есть Мирза Реза, у которого сгорел отец, убивший нашего шаха?» — и указал рукою. Мирза Реза не сказал ничего. Евнух пошел вперед и занес палку, чтобы ударить по голове Мирза Резу. Когда он приблизился, Мирза Реза неожиданно громко и ужасающе кашлянул. Евнух от страха и ужаса упал в обморок; его вынесли и положили на краю бассейна и около двух часов брызгали ему в лицо холодной водой. Через два часа он открыл глаза и у того, который брызгал ему водою в лицо, спросил: «Пуля его куда попала?» После этих слов он закрыл глаза и отдал душу Богу.

А также стало известно, что Хаджи Казим Мелик ат-Тудждар⁴⁵, шутник и [острослов, сказал Мирза Резе в заточении: «Ах, сукин ты сын, сводник! Ты что, решив убить Насер эд-Дин-шаха, держал наготове за воротами Ануширвана Справедливого на иранский престол и думал, что, кроме существования Насер эд-Дин-шаха, для его воцарения не будет препятствий?! Ну, теперь, когда ты свое дело сделал, завтра придет другой, да еще хуже того прежнего, так что возмечтаем мы о Насер эд-Дин-шахе, да уж не будет его...»]

Таких вещей много приписали Мирза Резе, и большая часть их ложь.

На третий день мученической кончины Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, место заключения Мирза Резы со двора Абдар-хана переменили на маленькую комнатку под лестницею, что [находится] в комнате при входе во дворец Бадгир⁴⁶. Несколько дней он был там. После того как садр-азам, переменив место дневного своего пребывания, перенес его из дворца Шамс оль-Имарат во дворец Бадгир, [он] переменил и место заключения Мирза Резы под тамошнею лестницею и назначил для этого маленькую уборную в шахском Наренджистане, которая специально была для отдыха и освобождения самого шаха, мученика за веру. Его Высокопревосходительство садр-азам все дни с самого восхода солнца до пяти или шести после полуночи занимался вершением важных дел государства и народа, и каждый

день все министры, начальники и государственные деятели появлялись при дворе и занимались возложенными на них служебными занятиями гораздо лучше... чем в то время, когда Насер эд-Дин-шах был в живых, так что большая часть министров, стариков, выдавших свет, говорили, что никогда не видели они двора и государства в таком порядке и устройстве. За время отсутствия Его Величества Мозаффар эд-Дин-шаха Его Высокопревосходительства садр-азам был как бы президентом республики, очень хорошим, вполне независимым, искренним и справедливым. И, по сущей правде, сколько важных дел, которые не проходили в течение нескольких лет, за это время главенства садр-азамы прошли и прошли хорошо.

Глава 38

О ПРИБЫТИИ В ГОРОД ТЕГЕРАН И ВОСШЕСТВИИ НА ЦАРСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА МОЗАФФАР ЭД-ДИН-ШАХА КАДЖАРА

После того как пришло ужасное известие об этом страшном событии, т. е. пришла телеграмма Его Высокопревосходительства садр-азамы в Табриз, и после печалования и слез в такой мере, как было нужно, в день [пропуск в оригинале] Мозаффар эд-Дин-шах Каджар, благословением, счастьем и споспешествованием вечного царя царей, в правительственном дворце города Табриза, столице и месте пребывания правителя области Азербайджана, изволили воссесть на престол султанской власти и миродержавия и были выполнены правила восшествия и всеобщего приема, как то: хутба и пушечные выстрелы. В тот же самый день в городе Тегеране, при шахском дворе, Его Высокопревосходительство садр-азам выстрелами из пушек и другими церемониями о царском восшествии на престол довел до слуха жителей. В тот день от лица Его Величества Царя царей он дал приказ поднять официальные флаги посольств, которые до того дня в знак траура не поднимали до верхушки древка.

В день [пропуск в оригинале] государев кортеж двинулся из столичного города Табриза в столичный город Тегеран. Из всех мест остановок и бивуаков телеграммами сообщались с Тегераном и двором. При дворе и между государевыми слугами было разногласие, прибудет ли в город Его августейшее Величество официально и с церемониями или без извещения и официальности. Я сам, чтобы знать [свои] обязанности, спросил по этому поводу у Его Высокопревосходительства садр-азамы. Он сказал, что они изволят пожаловать без извещения.

В двадцатый день месяца зу-ль-хидже [2 июня 1896 г.] меня позвал садр-азам и приказал для всеобщего приема и в особенности восшествия на престол напечатать особые билеты и карты, чтобы никто ни из знатных, ни из простых не вошел ко двору, в Диван-хане и царский сад без разрешения, позволения и ведома министерства церемоний. Как было приказано, было исполнено: [билеты] были посланы во все министерства, управления и части полков.

Прошло уже несколько дней, как для того, чтобы убрать сад и шахские покои, Его Высочайшее Превосходительство садр-азам, который тридцать суток ни на шаг не выходил из шахского сада для того, чтобы ни один час не бездействовать, перебрался из дворца Бадгир, находящегося внутри шахского сада, в дворцовые мезонины, находящиеся вне шахского сада.

В 23-й день месяца зу-ль-хидже 1313 г. хиджры [5 июня 1896 г.] я, как и все дни, утром отправился к садр-азаму. Он сидел в одном из дворцовых мезонинов, и перед ним было собрание приблизительно в пятнадцать человек из министров и начальников. Мы пили чай, как один джелудар⁴⁷ из джелударов самого садр-азам, которые специально к этому делу были приставлены, вошел в комнату и сам, не имея права, подошел и на ухо садр-азаму (пропуск в оригинале). Садр-азам приказал выдать ему в награду за радостную весть 50 туманов. Откушав чай, мы встали и пришли во двор Мраморного трона.

Мы ходили, не прошло и получаса, как в аллее со стороны двора Мраморного трона поднялись крики. Все мы направились к воротам, известным под названием «Конюшенных ворот» (эти ворота из аллеи, находящейся за двором Мраморного трона, расположены в западной стороне двора Мраморного трона, открываются из двора Мраморного трона). Ворота открыли, и это совпало с остановкою шахской коляски. Шах вышел из коляски и направился во двор. Когда он вошел, садр-азам упал на землю и облобызал ноги шаха, и некоторые из царевичей тоже пали на землю, низко поклонились... Садр-азам принес чрезвычайные благодарения за прибытие и здравие Августейшей Особы, но шах ничего не говорил и казался похожим на человека, у которого слезы сжимают горло. Когда шах дошел до Мраморного трона, садр-азам настойчиво просил, чтобы он теперь же ради благоденствия сел на трон, а завтра будет прием и официальное восшествие. Шах не согласился. Прибыли в шахский сад. Так как было начало лета и температура была немного жаркая, а температура дворца Бадгир относительно прохладнее других дворцов, то шах изволил прибыть туда. Его Святейшество имам-и джом'э и несколько чело-

век из улемов, которых пригласили для этого именно дела, встали с места, после краткой хутбы взяли шапку и венец кейянидов, которые приблизительно со времени Кай Хосрова являются государственными официальными шапкой и венцом, и имам-и джом'э возложил [его] на голову шаха. В это время все присутствовавшие министры и царевичи от глубины сердца принесли поздравления. (Велик Аллах! За шесть тысяч лет сколько голов из-за страсти к этой шапке оказалось без шапок, и ни одному из государей и венецносцев она не оказалась верной, и воистину — это шапка, покрывающая мир.) Эта шапка принадлежит к числу тех нескольких вещей казны персидской, из которых каждая имеет цену семь куруров, если только найдется покупатель и [ее] продадут.

По совершении этих официальностей из-за усталости и недавнего прибытия с дороги шаха все низко поклонились и были отпущены, а Шахская Особа занялась кушанием завтрака.

ПРИДВОРНЫЕ ДОЛЖНОСТИ, КОТОРЫЕ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ПО ПРИБЫТИИ [ШАХ] ПЕРЕДАЛ ДРУГИМ ЛИЦАМ

Должность шахского и государственного держателя печати взяли от Гулям Али-хана Азиз ос-Султана⁴⁸, зятя шаха, мученика за веру, и отдали Носрат ос-Салтане; должность кашикчи-баши²⁰ взяли от Абдаллах-хана Каджар Назим ос-Салтане и отдали Амир Бахадур Джангу⁴⁹, который был кашикчи-баши наследника престола; должность собственного шахского назира взяли от Махди Кули-хана Каджара Маджд од-Доуле и отдали Магрур-мирзе Мувассик од-Доуле; должность фарраш-баши взяли от Джафар Кули-хана Каджара Хаджиб од-Доуле и отдали Мохаммед Махди-хану Каджару Хаджиб од-Доуле; абдар-хане и кахве-хане взяли от абдар-баши и кахвачи-баши покойного и отдали новому абдар-баши и кахвачи-баши; и некоторые малые должности, которые не имеют большого значения и писать о которых нет необходимости, заменили другими лицами.

Город Тегеран [обрел] новую и свежую краску и безмерный блеск. В 24-й день месяца зу-ль-хидже 1313 г. [6 июня 1896 г.] очень рано утром с чинами [министерства] церемоний я отправился ко двору и сел в том самом проходе ворот Али Капу⁵⁰. Всякого, кто шел во дворец, мы, согласно приказанию Его Высочествопревосходительства садр-азама, опознавали и давали билет, и он проходил. Около полудня, приготовив всеобщий прием в крайней степени порядка и официальности, мы пригласили Его Величество к восшествию. Пожаловав из сада, он своим вос-

ходом счастливым изволили сделать Мраморный трон завистью ковра картинной галереи в Так-и Кисра.

В 25-й день месяца зу-ль-хидже [7 июня 1896 г.], т. е. на третий день прибытия, все разряды слуг и вельмож, которые не были на приеме, как то: купцы, вельможи, ученики школ, чиновники телеграфа и пр. и пр., с утра до самого почти завтрака поразрядно были нами представлены августейшему подножию, а около полудня весь состав дипломатического корпуса и представители дружественных держав с особыми почестями и церемониями удостоились чести представиться шахиншаху. Все дела по мере надобности были устроены с августейшего позволения и разрешения.

На четвертый день прибытия шаха Его Высокопревосходительство садр-азам изволили благополучно пожаловать из дворца в свой собственный дом, находящийся между аллеями Лалезар и Доулат, — я, покорнейший слуга Сафи Али, живу по соседству, и мой дом примыкает к их домам...

В шестой день месяца мохаррама 1314 г. [17 июня 1896 г.] Августейшая Шахская Особа изволила отбыть на дачное пребывание из города Тегерана в летний дворец Сахибкеранийе, который в высшей степени красив и соответствует шахскому достоинству; они сели верхом у ворот Эстабль, о которых я писал выше, и до выезда за городские ворота Дарвазе-йи Доулат я был в их кортеже.

Глава 39

КАЗНЬ МИРЗЫ РЕЗЫ КЕРМАНСКОГО ⁵¹

После прибытия шахского кортежа место заключения Мирза Резы переменяли: его вывели из той уборной в Наренджистане, о которой было сказано выше, и заключили в казарму собственных Его Величества караульных, которая находится недалеко от площади сада Баг-и Арк и между собственной шахской конюшней и канцелярией. После отъезда Его Величества шаха на дачу Мирза Резу опять привели из казармы в государственный дворец, т. е. в одно из помещений уединения большой шахской женской половины.

Весь народ все дни ожидал казни Мирза Резы. Большую часть дней с необыкновенной тщательностью занимались допросом [Мирза Резы], и стало в точности известно, что в этом гнусном деле, бесполезном и напрасном поступке и пустом воображении, т. е. убийстве Насер эд-Дин-шаха, он совершенно не имел никакого соучастника и пособника и что побудитель-

ной причиной на то были единственно несправедливости и притеснения Ака Бала-хана Векиль од-Доуле.

В среду первого числа месяца раби-оль-авваль 1314 г. [10 августа 1896 г.], приблизительно за час до восхода солнца, я с Мирзой Мохаммедом Али-ханом Каввам од-Доуле⁵² отправился из моей дачи Джафарабад в Сахибкераниие к Его Высокопревосходительству садр-азаму. Там мы услышали, что завтра очень рано утром в городе Тегеране Мирза Резу повесят на площади Майдан-и Машк. Большая часть министров и сановников заявили, что для зрелища они отправятся в город.

В четверг 2-го числа [11 августа], приблизительно за час до восхода солнца, мы с Каввам од-Доуле и сыном моим Хан-и Ханан сели в пролетку и из Джафарабада отправились в город. Через четверть часа после восхода солнца мы прибыли в город. Около своего дома я увидел Мирзу Мохаммед Таки-хана Маджд оль-Молька, который возвращался с площади Майдан-и Машк... Он сказал, что около десяти минут тому назад Мирза Резу повесили. Мы ускорили движение и прибыли на площадь Майдан-и Машк. Удивительное сборище входило и выходило, несмотря на то что было такое раннее утро и народ еще настоящим образом не проснулся. Хотя ширина ворот площади Майдан-и Машк приблизительно более пяти заров и таких ворот четверо, мы въехали с трудом. Посредине площади Майдан-и Машк была поставлена виселица высотой в десять заров, т. е. в землю были вбиты два деревянных столба на расстоянии десяти заров и на них положено бревно длиной в десять заров; посредине этого бревна приделан и повешен рыскал и маленькое колесо, и две толстые веревки были пропущены через то колесо; при помощи этих веревок и рыскала Мирза Резу подтянули кверху в таком виде: обе руки его сзади были заперты на замок, голова обнажена, [он был] без рубахи, только на ногах у него были белые штаны... Вокруг виселицы, со всех сторон на расстоянии десяти заров, в виде круга стояли в большом порядке два батальона солдат с ружьями; внутри круга не было никого, кроме начальника этих солдат и четырех палачей, которые вершили дело; толпа зрителей — женщины, мужчины, европейцы, персы, пешие, конные, в пролетках и колясках — была более пяти тысяч человек и стояла позади солдат. Мы в пролетке доехали до солдат и там вышли из экипажа.

Я подозвал полковника этих солдат по имени Мирза Абдин-хан; за несколько лет перед тем как поступить на военную и государственную службу, во время путешествия по Хорасану, когда я ездил с моим отцом, он был из числа моих личных слуг. Он отдал честь по-военному и ввел нас в круг. Я дошел

до самой виселицы и хорошо рассмотрел и заметил в себе удивительное состояние: так как я смотрел, через одну-две минуты я не видел ни Мирза Резы, ни виселицы, но видел такие вещи, о которых писать не могу. Удивительная вещь: глаза Мирза Резы были закрыты, хотя у человека, которого душат, глаза непременно вылезают наружу — где уж им оставаться закрытыми! — и лицо его ничуть не изменилось, цвет его тоже не имел цвета удушения, т. е. не почернело, только ноги его посинели, или это была грязь за время заключения. В тот первый день, когда я его увидел, голова у него была выбрита, а борода значительно короче, чем сегодня. Заключение его длилось без нескольких дней четыре месяца, борода его стала длинной и волосы на голове тоже отросли пальца на три. В то время когда воздушная волна тихо приводила его в движение, лицо его с удивительным спокойствием обращалось из стороны в сторону; шея его немного покривилась в сторону левого плеча, и одна нога его была немного длиннее другой. Я хорошо рассмотрел, — зрелище было очень назидательное.

У полковника Мирза Абидин-хана, который от места заключения досюда был при нем, я спросил о подробностях; он сказал: «Вчера за полчаса до заката солнца из Сахибкеранийе прибыл в город. В царском дворце, перед музеем, мне от правительства было приказано произвести последний допрос Мирза Резы с Хаджи Шейх Мухсин-ханом Мошир од-Доуле⁵³, министром юстиции, Али Кули-ханом Мохбер од-Доуле, министром народного просвещения, Мохаммед Бакир-ханом Сардар-и Кулл⁵⁴, начальником полков, несколькими большими царевичами и некоторыми министрами. Затем доставили Мирза Резу из заключения. Мы привели его в присутствие садр-азама в цепях. Он дал ему разрешение сесть. После того как он сел, его очень много расспрашивали. Он вправду признался, что в этом гнусном деле, напрасном поступке и отвратительной выходке он отнюдь не имел сообщника и единомышленника, — было это исключительно вследствие жестокостей Наиб ос-Салтане. До пятницы 17 зу-ль-кааде [30 апреля 1896 г.] он в святыне Абдоль-Азим ожидал прибытия Наиб ос-Салтане, чтобы его убить, как на поклонение святыне Абдоль-Азим отправился шах. «После того, — сказал [Мирза Реза], — как шахский кортеж направился на поклонение, решение мое окрепло. За убийство Наиб ос-Салтане меня наверно убьют, и возможно также, что после Наиб ос-Салтане шах приставит к делу какого-нибудь человека, более жестокого, чем Наиб ос-Салтане, поэтому почему бы мне не убить шаха? Хотя меня и убьют, но пока имя Насер эд-Дина будет живо, мое имя тоже будет памятно в

истории». Он сказал также следующее: «Насер эд-Дин-шах был старым, сгнившим деревом, которое в конце концов свалил бы ветер, и в то время как оно бы свалилось, народу приключилось бы мучений более, чем теперь. В корне того дерева завелись вредные черви. Я свалил то дерево, а рука предопределения на его место посадила новый росток — Мозаффар эд-Дин-шаха. Теперь обязанность вас, министры и деятели царства и государства, вас, которые поистине являетесь садовниками и воспитателями этого нового ростка и молодого деревца, заключается в том, чтобы этот новый росток вы воспитали в прямоте и правильности, дабы он стал плодоносным. И знайте, что как только он покривится, судьба имеет в рукаве лишь подобные острые топоры».

Спросили у него про сейид Джемаль эд-Дина, может, он тоже в этом отношении дал ему какое-нибудь приказание. Мирза Реза сказал: «Сейид Джемаль эд-Дин тоже не был бы этим делом доволен. Только в то время, когда я отправился в Стамбул и рассказал ему о притеснениях Наиб ос-Салтане, которые он счел в отношении меня дозволенными, он сказал: «Так почему же ты не убил его, чтобы душа целого государства освободилась от его руки? Ты бы убил его и пресек зло его в отношении людей».

После этого допроса и последних расследований садр-азам приказал вторично отвести его в место заключения. Когда прошло четыре часа после заката солнца, привели коляску под предлогом, что шах приказал представить Мирза Резу в Сахибкеранийе, для того чтобы самому тоже произвести расследование. Полковник Мирза Абидин-хан посадил Мирза Резу в коляску, сам с одним караульным тоже сел в коляску, и быстро отправились. Мирза Абидин-хан говорил, что в то время когда коляска с аллеи свернула в сторону площади Майдан-и Машк, Мирза понял, что Его Величество Мозаффар эд-Дин-шах представить его для расследования в Сахибкеранийе не приказывал, а скорее покойный Насер эд-Дин приказал представить его на тот свет, для того чтобы произвести расследования перед присутствием Истины. Он хотел кричать, — ему зажали рот. Прибыли на площадь Майдан-и Машк и держали его в караульной площади Майдан-и Машк до восхода зари, т. е. до начала настоящего утра.

Мирза Абидин-хан говорил, что до утра Мирза Реза читал Коран, т. е. то, что он помнил из Корана. Задолго до восхода солнца прибыл Сардар-и Кулл, Хасан-хан Аджудан-баши-йи Кулл⁵⁵ и два батальона солдат. С особыми чрезвычайными церемониями его вывели, причем он сам не выражал нежелания

идти (потому что знал, что, если не пойдет, его приведут). Его довели до виселицы, он не сказал ни слова, только, в то время когда с шеи сняли цепь и с тела его стащили рубашку, он громким голосом, так, что толпа слышала, сказал: «Мы принадлежим Богу и к нему мы возвратимся». Затем на шею ему набросили петлю и повесили... Во время повешения играли несколько оркестров музыки. Труп его не снимали с виселицы три дня, для того чтобы все жители города и государства увидели и узнали и вспоминали о воздаянии за дела. (О Господи! Всех бедных от зла наваждений дьявола и повелевающей плоти под защиту Твоею охрани!)

Глава 40

...В полдень вторника 17-го числа месяца джамади ос-сани 1314 г. хиджры [23 ноября 1896 г.] Его Величество Мозаффар эд-Дин-шах Каджар отставил садр-азама Мирза Али Асгар-хана Амин ос-Султана от должности и высокой степени бытия садр-азамом. Носителем рескрипта об его отставке был мой родственник Мирза Ахмед-хан Ала од-Доуле⁵⁶.

Тот рескрипт был такого содержания: «Господин Амин ос-Султан. Во внимание к некоторым соображениям и государственным интересам признали Мы необходимым уволить вас в отставку с должности садр-азама и от сего числа освободить вас от государственных дел, и вместе с тем мы заверяем вас, что мы питаем к вам совершенную милость. 17-го числа джамади ос-сани 1314 г.».

Как я слышал, совершенство самообладания и дервишская природа Его Превосходительства Амин ос-Султана помешали тому, чтобы от чтения этого рескрипта в состоянии его появилась какая-нибудь большая перемена. В тот же день Мирза Исмаил-хан Амин оль-Молька, брата Амин ос-Султана, отставили от министерства казны, налогов и таможен и дела его передали Али-Кули-хану Мохбер од-Доуле, министру народного просвещения, а он некоторые из них передал своему сыну Сани од-Доуле⁵⁷; государственные земли халисе, которыми ведал Мохаммед Касим-хан, другой брат Амин ос-Султана, отдал Мирза Мохаммед-хану Каши Экбаль од-Доуле; министерство иностранных дел, которое было на ответственности Амин ос-Султана, а он [т. е. Амин ос-Султан] назначил [его] директором Мирза Насролла-хана Мошир оль-Молька, отдали Хаджи Шейх Мухсин-хану Мошир од-Доуле; министерство государственной канцелярии вместе с министерством внутренних дел отдали Мирза Абдоль-Ваххаб-хану Низам оль-

Мольку; министерство армии, которое было на ответственности Низам оль-Молька, у него взяли и отдали Мирза Насролла-хану Мошир оль-Мольку; Гулям Хосейн-хану Каши Амин-и Халват и пишхедмет-баши оказали честь министерством двора; министерство арсенала, которое было частью дел Амин ос-Султана, отдали Мирза Аболькасем-хану Насер оль-Мольку; сундучную и гардеробную государственную и личную, которые были в ведении Хаджи Мохаммед Али-хана Амин ос-Салтане, отдали Насер ос-Султану и Муваассик оль-Мольку; охрану шахских и государственных дворцов и отряды собственного [Его Величества] караула, что было в ведении Хаджи Хосейн Али-хана, который был из приверженцев и родственников Амин ос-Султана, взяв, отдали Амир Бахадур Джангу кашикчи-баши; начальство над артиллерией, которое было частью дел Амин ос-Султана и было поручено Мохаммед Бакир-хану Сардар-и Кулл, зячю Амин ос-Султана, взяв, передали Мохаммед Садик-хану Каджар Амин-и Незам; министерство военное, которое при жизни Насер эд-Дин-шаха, мученика за веру, принадлежало Камран-Мирзе Наиб ос-Салтане, а после Насер эд-Дин-шаха было из специальных дел и на ответственности Амин ос-Султана, а он поручил [его] Сардар-и Кулл, взяв, отдали Абд оль-Хосейн-мирзе Фарман-Фарма Салар-и Лашкар⁵⁸ (от его меры и собрания устроили все эти дела!), министерство построек и строений, которое было из дел Амин ос-Султана, а он поручил [его] своему брату Амин оль-Мольку, отдали Мирза Махмуд-хану Хаким оль-Мольку⁵⁹. Это было событием этого дня.

21-го числа джамади ос-сани 1314 г. [27 ноября 1896 г.], согласно шахскому приказу, около восхода солнца Амин ос-Султан двинулся для постоянного пребывания в город Кум, который находится от Тегерана в трех-четыре станции, и город очень грязный, с дурной водой и климатом.

Через несколько дней после этих событий я удостоился чести в обители поклониться Его Святейшеству моему старцу⁶⁰, — души всех бедных да будут ему жертвой. Беседа шла о всем сказанном. Доверительно они мне изволили сказать, что Амин ос-Султан, вернувшись из Кума, вторично достигнет степени садр-азама. Хотя я считал это делом невозможным, так как при каджарской династии еще не случалось, чтобы один человек дважды назначался на должность садр-азама, я сразу же согласился и наверно знаю, что, конечно, вне всякого сомнения, он вернется и сделается садр-азамом. Я надеюсь, что доживу до его возвращения и глаза мои вторично просветятся от созерцания его вызывающей радость красоты. О Господи, прими мои

моления удрученных сердцем! Как Его Святейшество мой старец — дух мой его жертва! — сказал, [все] непременно случится, и он [Али Асгар-хан] вторично делается садр-азамом, потому что Его Святейшество знает и прошлое и будущее, и может так же все дела делать. (Хотя о такого рода вещах, которые предвещают будущее, писать не следует, потому что возможно, что представится какое-нибудь препятствие и помеха, но я написал вследствие совершенно твердого убеждения и уверенности, и, конечно, непременно именно так и случится.)

Джамади ос-сани 1314 г. [ноябрь — декабрь 1896 г.] я [окончил] этого рода писание и эту краткую верную без лжи историю, оставив [ее] на память на страницах судьбы.

Али-хан Каджар Захир од-Доуле Сафи Али

Примечания

¹ Биографию Мирзы Резы Кермани см. в дневниках В. А. Косоговского (Архив ИВ АН СССР, ф. 30, оп. 1, № 2, лл. 622—624, 627, 711; далее — Косоговский, лл...; Архив ИВ АН, разряд 1, оп. 6, № 11). Биография, рассказанная В. А. Косоговскому самим садр-азамом Амин ос-Султаном (л. 267), полностью совпадает с публикуемой, но доведена лишь до избятия Мирзы Резы из-за истории с «шубкой»; биография, рассказанная В. А. Косоговскому не названным по имени «личным знакомым» Мирзы Резы (л. 711), во многих деталях отличается от публикуемой.

В работах по новейшей истории Ирана на персидском языке биография Мирзы Резы наиболее подробно изложена в труде Назем оль-Ислама Кермани «История пробуждения иранцев», стр. 74—97, где приведены также протоколы допросов Мирзы Резы; см.:

تاظم الاسلام کرمانی، تاریخ بیداری ایرانیان، مجلد اول، شامل جلد

اول و دوم و سوم، چاپ دوم، تهران، اسفند ماه ۱۳۳۲، ص ۵۶۳
(далее — Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*). См. также:

عبد الله مستوفی، شرح زندگانی من یا تاریخ اجتماعی و اداری

دوره قاجریه، جلد دوم، تهران، ۱۳۲۴، ص ۹۷ و بعد

(далее — Мустоуфи, *Шарх-и زندгани*).

² На допросе Мирза Реза следующим образом характеризовал его: «Хаджи Сайях — человек эгоистичный и нерешительный. Он никогда не помогал нашему делу, а только мутил воду, чтобы ловить рыбу для Зилл ос-Султана (о нем см. ниже, прим. 14). Он надеялся, что Зилл ос-Султан станет шахом, а Амин од-Доуле — садр-азамом и тогда он сам разбогатеет. У него сейчас имущества на шестнадцать тысяч туманов, а в то время он получил от Зилл ос-Султана три тысячи туманов для сейида Джемаль эд-Дина, но отдал ему только девятьсот, а остальное присвоил» (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 84).

³ О злоупотреблениях губернатора Кермана см. протоколы допроса Мирзы Резы (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 81).

⁴ Имя отца Мирзы Резы — Молла Хосейн Акдаи (Акда — деревня близ Йезда). См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 74.

⁵ Камран-Мирза Наиб ос-Султане, сын Насер эд-Дин-шаха. Был военным министром и губернатором Тегерана с 1876 г. до воцарения Мозаффар эд-Дин-шаха в 1896 г. До 1886 г. в его управлении находились также Кум, Саве, Казвин, Гилян, Мазендеран. В 1907 г. был вновь назначен военным министром, а в июле 1909 г. был заочно приговорен к изгнанию из Ирана (см.: М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957).

⁶ В. А. Косоговский сообщает о нем следующее: «Во время существования в Тегеране австрийской военной миссии Векиль од-Доуле, в качестве ученика военного медресе, в 1880 г. попал к австрийцам, а отсюда был назначен инструктором в полк «махсус» — гвардию Наиб ос-Салтане, комплектовавшуюся до последних дней исключительно красивыми, женподобными мальчиками.

...[Он] сразу приглянулся Наиб ос-Салтане, к которому попал в качестве ординарца, и с тех пор чуть ли не ежемесячно стал получать офицерские чины.

Года через два-три он уже был произведен в сартипы (генералы) с назначением командиром того же полка «махсус»... За всякий смотр шаха Векиль од-Доуле продолжал получать, при самом неограниченном посредстве Наиб ос-Салтане, по какой-нибудь новой награде или чину...

Когда умер эмир-туман Джаалиль-хан, начальник «махзане-и малбус» (обмундировального магазина), то эту должность Наиб ос-Салтане выхлопотал Вскиль од-Доуле... Тогда его, с оставлением командиром полка «махсус», произвели в эмир-туманы и дали титул муин-низам (помощник начальника военного ведомства). Когда умер начальник арсенала Джехангир-хан, Наиб ос-Салтане выхлопотал ему и заведование арсеналом, с титулом «министр арсеналов».

Когда затем, лет пять-шесть тому назад, он по подозрению в сообществе с прогрессистами Персии, схватил теперешнего убийцу шаха Мирзу Мохаммеда Резу, ему дали «гимсаль» (портрет шаха, усыпанный бриллиантами) и все караульные дома сарбазов в Тегеране, кроме арка, т. е. цитадели.

Когда в 1892 г. в Тегеране был бунт по поводу табачной монополии, народ... пытался ворваться в самый дворец через подъезд Наиб ос-Салтане (дворец Наиб ос-Салтане находился в арке, недалеко от дворца шаха. — Ю. Б.)... Тогда сарбазы и даже сам сардар-акрем (см. о нем ниже, прим. 32), внутренне сочувствуя народу и духовенству, не решились стрелять в толпу. Один только Векиль од-Доуле приказал бывшим при нем 20—30 гвардейцам стрелять... Толпа рассеялась, оставив до 30 трупов. За этот-то подвиг герой и получил титул «Векиль од-Доуле», т. е. «доверенный государства», и еще в «кормление» — пехотный полк «Нехавенд» для своего девятилетнего сына... Осенью 1895 г... Наиб ос-Салтане выпросил, чтобы шах произвел в сардары Векиль од-Доуле.

Спустя некоторое время шах, желая выделить старейшего и наиболее родовитого из персидских сардаров, дал ему титул сардар-акрем (т. е. милостивейший), тогда Наиб ос-Салтане немедленно выхлопотал Векиль од-Доуле новый титул сардар-афхам (т. е. величайший). Кроме того, [его] назначили еще и губернатором провинции Саве... Только смерть шаха остановила дальнейшее возвышение этого временщика» (Косоговский, лл. 624—626).

В июне 1908 г. сардар-и афхам был назначен губернатором Гиляна; в феврале 1909 г. он был убит во время восстания в Реште (см. М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 278, 353).

⁷ Хаджи Мохаммед Хасан «Кумпани» Амин-и Дар аз-Зарб был назначен садр-азамом Амин ос-Султаном управителем монетного двора и сумел составить себе огромное состояние: на одном только выпуске неполноценной медной монеты он нажил шесть миллионов туманов. Махинации с выпуском монеты подробно описаны у Косоговского (Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, л. 42 и сл. См. также: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 530 и сл. Описание тегеранского монетного двора см.: И. Н. Березин, *Путешествие по северной Персии*, т. II, Казань, 1852, стр. 154—156).

⁸ Джемаль эд-Дин аль-Афгани — выдающийся политический деятель, оказывавший большое влияние на общественную жизнь мусульманских стран на протяжении последних десятилетий XIX в. Он боролся против империалистического закабаления стран Востока, против деспотической власти восточных монархов; эту борьбу Джемаль эд-Дин вел под знаменем ислама.

Он много путешествовал по странам Азии и Европы. Умер Джемаль эд-Дин в 1897 г. в Турции, где жил после изгнания из Ирана. О высылке его из Ирана Косоговский сообщает (л. 621): «Садр-азам, считающийся вместе с тем и губернатором Шах-Абдол-Азима (см. ниже, прим. 9), по настоянию шаха, при помощи своих преданных людей, вытащил его из беста и под вооруженным конвоем... выпроводил из Персии». См. о нем также: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 53 и сл., и احمد كسروی، تاريخ مشروطه ايران، جلد اول، چاپ چهارم، تهران، ص ۱۰ و بعد Кесрави, *Тарих-и машруте*).

⁹ Шах-Абдол-Азим — поселок к юго-востоку от Тегерана, в котором находятся могилы Имам-заде Хамзы, сына седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима, и Абулькасима Абд аль-Азима, и мечеть, дающая право убежища (бест).

¹⁰ Эмир-туман — полный генерал (ср. с прим. 6).

¹¹ Али Асгар-хан Амин ос-Султан Атабек, второй сын Мохаммеда Ибрагима Амин ос-Султана (о нем см. ниже, прим. 20а); Али Асгар занял должности отца и получил его титул после смерти последнего в 1882 г. Находился во враждебных отношениях с Наиб ос-Салтане (см. прим. 5) и Зилд ос-Султаном (см. прим. 14); в 1886 г. добился изъятия ряда областей из-под власти упомянутых лиц. Исполняя обязанности садр-азамом с 1885—1886 гг., официально получил этот титул лишь в 1893 г. Отстранен от должности 2 ноября 1896 г.; вновь занял ее 4 августа 1898 г.; в 1904 г. ушел в отставку, отправился в путешествие (в числе других стран посетил Китай и Японию), после завершения которого поселился в Европе. В апреле 1907 г. вернулся в Иран, в мае сформировал правительство; 31 августа 1907 г. был убит. См. о нем: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 503 и сл., стр. 653—664; т. II, стр. 45—46, 75; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 56, 64, 169—173, 188—191 и др.

¹² Стихи из «Гулистана» Саади (глава I, рассказ 4).

¹³ Мирза Насролла-хан Наини Мошир оль-Мольк (впоследствии Мошир од-Доуле) долгое время занимал должность начальника русского отдела (идаре-йи рус) министерства иностранных дел Ирана, состоял в чине наиба и имел лакаб Мифтах оль-Мольк; позднее стал заместителем министра иностранных дел. С воцарением Мозаффар эд-Дин-шаха был назначен главным контролером военного министерства (везир-и ляшкер); после смерти Шейх Мухсин-хана Мошир-од-Доуле был назначен министром иностранных дел, когда и получил титул последнего. Организатор первого в Иране дипломатического училища (медресе-йи сийаси). В 1906 г. был на-

значен садр-азамом, ушел в отставку в 1907 г. См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 443 и сл.; Мустоуфи, *Шарх-и вендагани*, т. II, стр. 9 и сл.; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 39, 52, 80, 169 и др.

¹⁴ Зилл ос-Султан — старший сын Насер эд-Дин-шаха. Долгое время управлял почти всеми областями южного и юго-западного Ирана, имея резиденцию в Исфагане; в 1886 г. отстранен от управления всеми провинциями, кроме Исфагана. В 1907 г., по требованию населения, снят меджлисом с поста генерал-губернатора Исфагана.

¹⁵ Мальком-хан Назем од-Доуле, принц (1883—1908). Известный иранский политический и литературный деятель, издатель персидской газеты «Канун» в Лондоне, автор сатирических комедий. См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 117 и сл.; о газете «Канун» см.:

محمد صدر هاشمی، تاریخ جزائری و مجلات ایران، جلد چهارم، اصفهان،

مهرماه ۱۳۳۲، ص ۱۰۲—۹۶

¹⁶ Мирза Фатх Али-хан Ширази Сахебдиван был везиром наследника престола Мозаффар эд-Дина в Табризе, затем губернатором Хорасана.

¹⁷ См.: Косоговский, л. 621; «Казвинский губернатор, самый преданный человек садр-азаму, а потому ему одному только доверяли, что он не выпустит на свободу никого из заключенных».

¹⁸ Хадж Мирза Зейн оль-Абидин, имам-и джом'э, зять Насер эд-Дин-шаха. Как сообщает Косоговский (Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 202—203), он управлял вакфами Тегерана, получая с них доход в 24 000 туманов, из которых должны были покрываться расходы тегеранских медресе. Зейн оль-Абидин регулярно недодавал денег: «...Жадность имам-и джом'э доходила до невозможности и все студенты роптали... но терпели и молчали. После смерти шаха студенты начали уже открыто выражать свое неудовольствие, но все-таки терпели, пока студенты «Медресе-йи Мухаммадийе» первыми не подняли знамя восстания против имам-и джом'э» (запись сделана в ноябре 1896 г.). См.: Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 278 и сл.; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 68—75 и др.

Согласно Назем оль-Исламу (*Тарих-и бидари*, стр. 94, прим. 1), Мирза Реза был освобожден из шахской тюрьмы (Амбар-и шахи) благодаря стараниям сейида Абд ар-Рахима Исфакхани, который занимал должность набба [заместителя] Али-хана Каджара Захир од-Доуле (т. е. автора «Истории»).

¹⁹ В общей сложности Мирза Реза просидел в разных тюрьмах около четырех с половиной лет. См. протоколы допроса (Назем оль-Ислам, *Тарих-и бидари*, стр. 77—96).

²⁰ В каджарскую эпоху дворцовые управления, ведавшие обслуживанием шахской особы, обозначались термином «буйутат-и салтанати» — буквально «царские дома». Иногда этот термин распространяли и на такие учреждения общегосударственного значения, как монетный двор (заррабхане) и некоторые другие. Лица, возглавлявшие эти учреждения, пользовались большим влиянием при дворе и в правительстве и обладали огромными возможностями для обогащения. Очень многие из высших чиновников каджарской эпохи, в том числе и садр-азамы, в тот или иной период своей карьеры возглавляли одно или несколько дворцовых управлений.

В настоящем сочинении упоминается ряд лиц, возглавлявших в период правления Насер эд-Дин-шаха и Мозаффар эд-Дин-шаха перечисленные ниже в алфавитном порядке дворцовые управления, обозначившиеся указанным общим термином.

а) Абдар-хане — управление, ведавшее продовольственным снабжением дворца. Губернаторы провинций и областей регулярно высылали в абдар-хане продукты, которыми славились вверенные им районы: лучшие сорта фруктов, дичь, кондитерские изделия и т. п. Чем изворотливее был абдар-баши, тем больше у него было шансов для выдвижения и тем значительнее становились его доходы.

Так, отец садр-азама, о котором идет речь в нашем сочинении, Мохаммед Ибрагим, начав свою службу при дворе с низших чинов абдар-хане, несмотря на то что был безграмотным, сделал головокружительную карьеру и стал управлять всеми «буйутат-и салтанати»; кроме того, в его ведении официально находились монетный двор, таможи, шахская сокровищница, дворцы, сады и ирригационные каналы шахских имений. Ему был пожалован титул Амин ос-Султан, который после его смерти перешел к сыну, а сам он исполнял временами обязанности садр-азама.

б) Башиа-хане и фазхар-хане — дворцовое управление, ведавшее постройками и гончарным производством. При Насер эд-Дин-шахе находилось в ведении садр-азама, но фактически им руководил главный архитектор — мимар-баши. В конце XIX в. в Тегеране велись сравнительно интенсивные работы по перепланировке и расширению города, а также строительство отдельных дворцов и комплексов дворцовых сооружений как в самом Тегеране, так и в его окрестностях (см. ниже, прим. 30). Строительство дворцов финансировалось в основном за счет налога, взимавшегося с тегеранских «курапазиха» — лиц, работавших у топок кирпичных заводов и т. п.

С воцарением Мозаффар эд-Дин-шаха это управление было переименовано в «министерство построек» — «вазарат-и абнией» (о доходах министра построек см. ниже, прим. 59).

в) Джарчи-хане — управление публичными глшатаями; по мере распространения в Иране газет утратило свое значение; ко времени описываемых здесь событий должность джарчи-баши перестала привлекать кого бы то ни было, так как не сулила ни материальных, ни иных выгод. Вскоре после убийства Насер эд-Дин-шаха джарчи-хане фактически перестала существовать.

г) Ишик-хане, или вазарат-и ташрифат, — см. стр. 62.

д) Кашик-хане — лейб-гвардия шаха. Во главе подразделений стояли дехбаши, панджахбаши и юзбаши, командовавшие соответственно десятью, пятьюдесятью и сотней солдат — гулямов кашик-хане; во главе их стоял куллар-акаси-баши, который в свою очередь подчинялся кашикчи-баши, имевшему заместителей — нанбов. В состав кашик-хане входили также особые кавалерийские полки: «зарринкамар», «махдие» и «мансур». Вместе с этими полками персонал кашик-хане доходил до двух тысяч человек. Должность кашикчи-баши считалась очень важной и ответственной.

е) Каласка-хане — дворцовая экипажная; введена в число дворцовых управлений Насер эд-Дин-шахом. Экипажная располагала довольно значительным количеством карет и повозок, которые были необходимы для транспортировки шахского гарема, сопровождавшего шаха при его частых переездах.

Управляющий экипажной, каласкачи-баши, облаченный в специальную форму, при торжественных выездах правил восьмеркой лошадей, впряженных в шахскую карету. Каласка-хане подчинялась амир-ахуру.

ж) Кахве-хане — шахская личная кофейная. Кахвечи-баши ведал не только приготовлением кофе и всем, с этим связанным, но и калянами: на торжественных аудиенциях, по ставшему традиционным обычаю, кахвечи-баши раскуривал осыпанный драгоценными камнями и отделанный золотом калян, передавал его пишхедмет-баши (см. ниже), который вру-

чал сидящему на троне шаху мундштук, а сам стоял до окончания церемонии рядом, с кальяном в руках.

з) Мир-ахури — управление шахскими конюшнями. Кроме дворцовых лошадей и упоминавшейся выше экипажной, в ведении амир-ахура в отдельные периоды находились кобылицы, использовавшиеся в персидской армии для артиллерийской тяги; табуны их обычно находились на выпасе в районах Лара и Верамина; регулярно присылаемые в дар шаху бахтиярские, кашкайские, туркменские и другие кони также попадали в ведение амир-ахура. Кроме того, амир-ахур нес ответственность за содержание шахских жираф и слонов (хотя для последних тоже имелось специальное «управление» — фил-хане). Седлами, чепраками, сбруей и т. п. ведало другое управление — зиндар-хане.

Должность амир-ахура считалась очень почетной и была крайне выгодной. Обычно ее занимали видные представители феодальной аристократии. Упоминаемый здесь «царевич Амир-ахур», — очевидно, Мохаммед Хосейн-мирза Ямин од-Доуле, последний амир-ахур Насер эд-Дина.

и) Сандук-хане и рахтдар-хане — шахская гардеробная. Возглавлявший ее сандук-баши ведал всеми одеяниями шаха, мехами, отрезами парчи, наградными халатами и т. п., а также теми драгоценностями, которые шах носил постоянно. В его подчинении находились портные, скорняки, вышивальщики золотом. Часто он заведовал шахской библиотекой. Постоянным источником дохода сандук-баши служили наградные халаты, регулярно или от случая к случаю выдаваемые разным лицам (например, ежегодно в ноуруз губернаторам в знак оставления их на прежней должности). По обычаю стоимость такого халата возмещалась с лихвой, причем значительная часть компенсации оставалась у сандук-баши.

к) Сарайдар-хане — управление дворцовыми зданиями, садами и т. п. Сарайдар-баши ведал содержанием и охраной как самих зданий, так и их обстановки. Должность эта предоставляла большие возможности для хищений и личной наживы.

л) Фарраш-хане — управление дворцовыми слугами всевозможных категорий и назначений: от уборщиков, курьеров и привратников до палачей. Фарраш-баши, носивший обычно титул Хаджиб од-Доуле, должен был всегда знать, где находятся подчиненные ему люди. Количество фаррашей доходило до 1000 человек, из которых 200—300 обычно прикомандировывались к министерствам и другим правительственным учреждениям, остальные же делились по видам обязанностей на разряды. Фарраш-баши имел заместителей (наибов), а фарраши, подобно кашикчи, были разбиты на десятки, полсотни и сотни, во главе которых стояли дехбаши, панджахбаши и юзбаши. Дворцовые фарраши носили яйцевидную войлочную шапку, сюртук (сардари) красного сукна и черные суконные либо саржевые шаровары. Высшей категорией фаррашей являлись фарраш-и халват и пишхедметы, обслуживавшие лично шаха. Сыновья самых знатных и богатых семей стремились попасть в число пишхедметов, ибо это гарантировало непосредственную близость к шаху и открывало неограниченные возможности для карьеры. Во главе их стоял назим-и халват (пишхедмет-баши); деление на десятки и т. д. было такое же, как и у простых фаррашей.

²¹ Жена автора, дочь Насер эд-Дин-шаха. См. также:

دوستلی معیر الممالک، یادداشتهائی از زندگانی خصوص ناصر الدین شاه،

۱۰—۱۱ ص تهران، (далее — Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*).

²² Толозан (Tholosan) — французский военный врач (хирург). Прибыл в Тегеран в 1864 г. и стал главным врачом шаха. В 1873 г. сопровождал шаха в поездке по Европе. Был одним из основателей так называемых

мого Меджлис-и сиххат (санитарный совет), который заседал в помещении Дарольфону; автор нескольких книг по медицине на персидском языке. См.: С. Elgood, *A medical history of Persia and the Eastern Caliphate*, Cambridge, 1951, p. 513, 517—518.

²³ Сведения ошибочны. В день убийства шаха полковник Косоговский не ездил в Шах-Абдол-Азим. О покушении на шаха его известил курьер, посланный садр-азамом; вскоре прибыл второй курьер с письмом садр-азам (подлинник его см.: Косоговский, лл. 614—615), призывающим Косоковского во дворец.

²⁴ Согласно Косоговскому (л. 684), бахтиярская конница составляла личный конвой садр-азам.

²⁵ Махди Кули-хан Каджар Маджд од-Доуле, зять Наиб ос-Салтане, в июне 1911 г. был арестован особой комиссией меджлиса как ярый реакционер. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 477.

²⁶ Согласно Косоговскому, садр-азам ввел в заблуждение даже дворцовый караул в воротах Али-капу, ведущих с площади Туп-хане в арк: решив, что шах жив, солдаты сыграли гимн (л. 606).

²⁷ Мраморный трон — так назывался тронный зал, место торжественных аудиенций, в котором стоял трон, сделанный из алебаstra, обращенный лицом в сад с бассейном, вокруг которого стояли прибывшие на аудиенцию. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 126—132.

²⁸ Оранжерея с цитрусовыми деревьями, посредине которой был проложен отделанный изразцами канал; не сохранилась. Описание см.: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 614; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 150.

²⁹ Али Реза-хан Каджар Азуд оль-Мольк — старшина каджарского племени. В 1909 г. был регентом при малолетнем Ахмед-шахе. См.: «Салнаме», 1303 г. х., стр. 32; М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 268, 282, 380, 388, 398.

³⁰ Работы по перепланировке Тегерана были начаты в 1869 г., и к 1874 г. (ср. прим. 20 б) город изменил свой облик: окружавший его старший ров был засыпан, большая часть городских стен с башнями разрушена, разбиты новые площади и проведены проспекты. Тегеран был окружен земляными укреплениями, скопированными с парижских. Двенадцать старых городских ворот были сохранены, но названия их перенесли на соответствующие ворота, расположенные на внешней линии укреплений. (План Тегерана до перепланировки приложен к кн.: И. Н. Березин, *Путешествие...*)

Цитадель (арк), в которой находились дворцы шаха, его гарем (андсрун), дворцовые службы, дворец Наиб ос-Салтане (в нем же располагалось военное министерство) и другие здания, также подверглась значительным переделкам. Комплекс дворцовых зданий арка часто именовался Гулистаном по названию разбитого в арке сада.

Весну и лето шах обычно проводил в пригородных дворцах и охотничьих угодьях в окрестностях Тегерана.

Андсрун — здание, построенное при Фатх Али-шахе, было перестроено по приказу Насер эд-Дин-шаха в 1301 г. х. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 7 и сл.

Эшратабад — дворец и сад, находившиеся близ Шимранских ворот. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 265—267.

Баг-и Айшабад — сад, был разбит за четыре года до убийства Насер эд-Дин-шаха; в настоящее время не существует.

Салтанатабад — один из самых больших пригородных дворцов. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 96 и сл.; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 260—264. В настоящее время перестроен и находится в распоряжении администрации арсенала.

Сахибкеранийе — описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 99; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 231—233, 300. В настоящее время реконструирован и находится в ведении министерства двора.

Баг-и Акдасийе — расположен к северо-востоку от Шимрана. В настоящее время находится в ведении иранской армии.

Шахристанак — деревня в 30 км от Тегерана, славившаяся хорошей охотой. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 91—92; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 279.

Доушан-Тепе — при Насер эд-Дин-шахе там обычно устраивались скачки. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 83 и сл.; Feuvrier, *Trois ans...*, p. 217, 220—221.

Каср-и Фирузе — описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 299.

Баг-и Шах — в саду была установлена конная статуя Насер эд-Дин-шаха, отлитая из бронзы иранским архитектором и скульптором Али Акбаром. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 92—93.

³¹ Мирза Мохаммед-хан Каши Экбал од-Доуле — «начальник царственного усидения» (халват-и шах) и командир одного из подразделений лейб-гвардии (тофангаран-и хассе). См.: «Салнаме», 1302 г. х., стр. 32—33.

³² Охрана порядка в городе была поручена: «1. Сардар-акрему (старший и наиболее влиятельный в Персии сардар, ибо он командует девятью полками, самыми надежными, азербайджанскими). 2. Низаму од-Доуле (начальник всей артиллерии, генерал-фельдцейхмейстер)» и Косоговскому (Косоковский, л. 601).

³³ Отец любимица Насер эд-Дин-шаха Азиз ос-Султана (см. прим. 48).

³⁴ Мирза Исмаил-хан Амин оль-Мольк, брат садр-азама Али Асгар-хана Амин ос-Султана, министр финансов. После падения Али Асгара был смещен с должности, но уже в 1898 г. был снова назначен министром, на сей раз внутренних дел. О его злоупотреблениях на посту министра финансов см.: Архив ИВ АН, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 224—235 [«14 декабря 1896 г. ... Вот теперь и Амин оль-Мольк ожидает своей участи: по официальным счетам он отчитался так искусно, что ему не только не приходится возвращать огромные суммы, как на то надеялся Фарман-Фарма, но еще причитается с казны дополучить до 50 000 туманов. Но это ничего не значит.

Амин оль-Мольк не без основания опасается, что за него возьмутся с другой стороны... Всей Персии известно, что Амин оль-Мольк с каждой пенсии, с каждого жалованья, вообще с каждой денежной выдачи удерживал по 2—3 крана с одного тумана, т. е. от 20 до 30 % всей суммы, — цифра баснословная, вопиющая... Тысячи людей, и притом людей действительно пострадавших, клятвенно, на Коране, могут каждую минуту подтвердить возводимые на Амин оль-Молька обвинения в вымогательстве, казнокрадстве, лихоимстве...

Его отец Амин ос-Султан (см. прим. 20а) ...на долю Амин оль-Молька оставил ничтожное наследство. Так откуда же у него теперь одних домов и садов в одном Тегеране более чем на два миллиона рублей, не считая... деревень и чистого капитала в несколько миллионов рублей?...]

³⁵ Аббас Мирза Молькара, брат Насер эд-Дин-шаха. После воцарения Мозаффар эд-Дин-шаха был некоторое время министром торговли. См.: Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 222 («24 января 1896 г. Новым министром торговли и юстиции принцем Молькара народ недоволен за его горячность: сегодня, например, ни за что ни про что повил адвоката и хотел засадить его под арест; насилию-насилиу тот убедил Молькара, что нигде во всем свете не бьют адвокатов и не взыскивают с них за вину клиента»).

См. также его автобиографию:

شرح حال عباس ميرزا ملك آرا برادر ناصر الدين شاه شامل قسمت
مهعی از وقایع سلطنتی این پادشاه، بادتمام عبد الحسين نوائی و
بامقدمه در احوال مؤلف بقلم عباس اقبال، تهران، شهریور ۱۳۲۵.

³⁶ Абд ос-Самад-мираза — брат Насер эд-Дин-шаха. См. о нем: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 135.

³⁷ Бриллиантовый зал — зал, стены которого были покрыты зеркалами и хрусталем. Описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 149, 152.

³⁸ Родственник садр-азама, сандук-баши (см. прим. 20и).

³⁹ Сарайдар-баши (см. прим. 20к). О его деятельности см.: Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 233—234 [«28 декабря 1896 г. ...Амин-и Хумаюн («доверенный царя») при Насер эд-Дин-шахе заведовал кофе и кальяном шаха; всеми жилыми дворцами шаха со всем в них имуществом, кроме музеума (к музеуму печать прикладывал сам шах, а заведовал музеумом Амин оль-Мольк); кроме того, заведовал мечетью и дворцами сепасалара (так называемый «Бахаристан»), шахскими экипажами и экипажными конюшнями и лошадьми, и имел еще много других мелких должностей.

Беззастенчивое хищничество этого господина поистине замечательно и возбуждает порицание даже его товарищей по оружию, самих персидских хищников.

По случаю 50-летнего юбилея царствования Насер эд-Дин-шаха, назначенного на 24 апреля 1896 г., Амин-и Хумаюну было ассигновано 25 000 туманов на угощение, в том числе 2000 на одни только европейские вина. Как известно... юбилейные торжества не состоялись... Но вин этих не оказалось и след, — очевидно, их и не покупали вовсе. На вопрос шаха (Мозаффар эд-Дина), куда же девались эти вина, Амин-и Хумаюн ответил, будто их по распоряжению садр-азама раздали европейским посольствам (голая ложь). За 12 дней пребывания турецкого посла во дворце «Бахаристан» Амин-и Хумаюн подал счет в 7000 туманов. За 40 дней пребывания садр-азама во дворце шаха (с 19 апреля по 29 мая 1896 г.) Амин-и Хумаюн подал счет в 40 000, т. е. ровно по 1000 туманов, или по 2000 рублей в сутки, на одну только еду, тогда как в действительности тратилось ежедневно не более 50—60 туманов].

⁴⁰ Шамс оль-Имарат — один из дворцов в арке. Историю постройки см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 65—66; описание см.: Feuvrier, *Trois ans...*, p. 150—153.

⁴¹ Министр просвещения, телеграфа и рудников.

⁴² Текийе-йи Давлати — здание для представления шиитских мистерий в месадях мухарраме и сафаре. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Йаддаштха*, стр. 71 и сл.; Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. I, стр. 395 и сл., Мисль-Рустем, *Персия при Наср-Эдин-шахе*, СПб., 1897, стр. 102 и сл.

⁴³ Через год тело Насер эд-Дин-шаха было торжественно перенесено в Шах Абдол-Азим.

⁴⁴ Абу Тораб-хан допрашивал Мирза Резу и вел протоколы допросов, помещенные в «Тарих-и бидари», стр. 77—96.

⁴⁵ Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 1, № 41; стр. 20—21: «Хаджи Малек Туджар, т. е. царь купцов, купеческий голова не только Тегерана, но и всего Азербайджана, из которого он сам родом.

Хаджи Малек Туджар — человек весьма популярный и имеющий огромную партию, состоящую из очень богатых купцов и многих главных моджахедов». Он был одним из инициаторов бунта 1893 г. против табачной концессии.

⁴⁶ Бадгир — дворец, выстроен при Фатх Али-шахе, получил такое название благодаря двум вытяжным трубам, возвышавшимся над его крышей. Описание см.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 51; Feuviger *Trois ans...*, p. 150—151.

⁴⁷ Джелоудар — стремянный, конюх.

⁴⁸ Гулям Али Азиз ос-Султан — любимец Насер эд-Дина-шаха, который выдал за него свою дочь. После смерти шаха его титул («Возлюбленный шаха») потерял смысл и был заменен новым: Сардар-и Мухтарам. См.: Муайяр оль-Мамалек, *Иаддаштха*, стр. 112—115.

⁴⁹ Известный реакционер, министр двора и военный министр при Мохаммед Али-шахе.

⁵⁰ Косоговский, л. 638: «27 мая в 11 часов утра был назначен торжественный «салям». Пускали по билетам, лично выдаваемым обер-церемониймейстером».

⁵¹ Казнь Мирзы Резы см.: Косоговский, л. 714.

⁵² Мирза Мохаммед Али-хан Каввам од-Доуле в 1908 г. был министром финансов. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 278, 391.

⁵³ Был соправителем Мозаффар эд-Дина в Азербайджане в бытность последнего наследником престола. С воцарением Мозаффар эд-Дина стал также контролером военного министерства.

⁵⁴ См. прим. 2 и 32; он же Сардар-и Акрем.

⁵⁵ Начальник главного штаба.

⁵⁶ Начальник конницы гулямов «махдийе» и «мансур», бывший губернатор Зенджана, впоследствии губернатор Луристана. См. прим. 20д. См. также: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 68, 155, 390 и др.

⁵⁷ Впоследствии первый председатель меджлиса, министр финансов, министр просвещения. Убит в 1911 г. См.: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 90, 191, 260 и др.

⁵⁸ Абд оль-Хосейн-мирза Фарман-Фарма Салар-и Лашкар играл крупную роль при дворе Мозаффар эд-Дина-шаха в первые месяцы после его воцарения, занимал пост военного министра. См.: Мустоуфи, *Шарх-и зендагани*, т. II, стр. 18. Ср. также прим. 59.

⁵⁹ Лейб-медик Мозаффар эд-Дина в бытность последнего наследником престола и шахом. Принимал активное участие в борьбе партий при дворе; был назначен министром строительных работ и построек, впоследствии стал министром двора.

Архив ИВ АН СССР, разряд I, оп. 6, № 41, стр. 232—233 («14 декабря 1896 г. ... Когда был свергнут садр-азам 12 ноября 1896 г., претендентами на пост садр-азам называли трех наиболее влиятельных в то время: 1. Фарман-Фарму, 2. Эйи од-Доуле, 3. Хаким оль-Молька... [Последний] вопреки всеобщим ожиданиям не выдвинулся и... примкнул пока к Фарман-Фарме... А пока... он избрал себе благую долю и занялся коплением денег: со времени приезда из Табриза в Тегеран он уже положил в банк 40 000 туманов; шах назначил ему ежегодного жалованья 5000 туманов и 300 харваров (300×18=5400 пудов) пшеницы (что составляет от 1500 до 2000 туманов) в качестве джире (суточные или кормовые). Кроме того, Хаким оль-Молька назначен министром построек, что, в общем, в зависимости от качества возводимых построек, может давать ему еще от 6000 до 20 000 туманов ежегодно доходов...» (см. прим. 15).

О племяннике Хаким оль-Молька, реакционном депутате меджлиса, министре финансов в кабинете Мустоуфи оль-Мамалек (июль 1910 г.) и т. д. см.: М. С. Иванов, *Иранская революция...*, стр. 280, 433 и др.

⁶⁰ См. стр. 64.